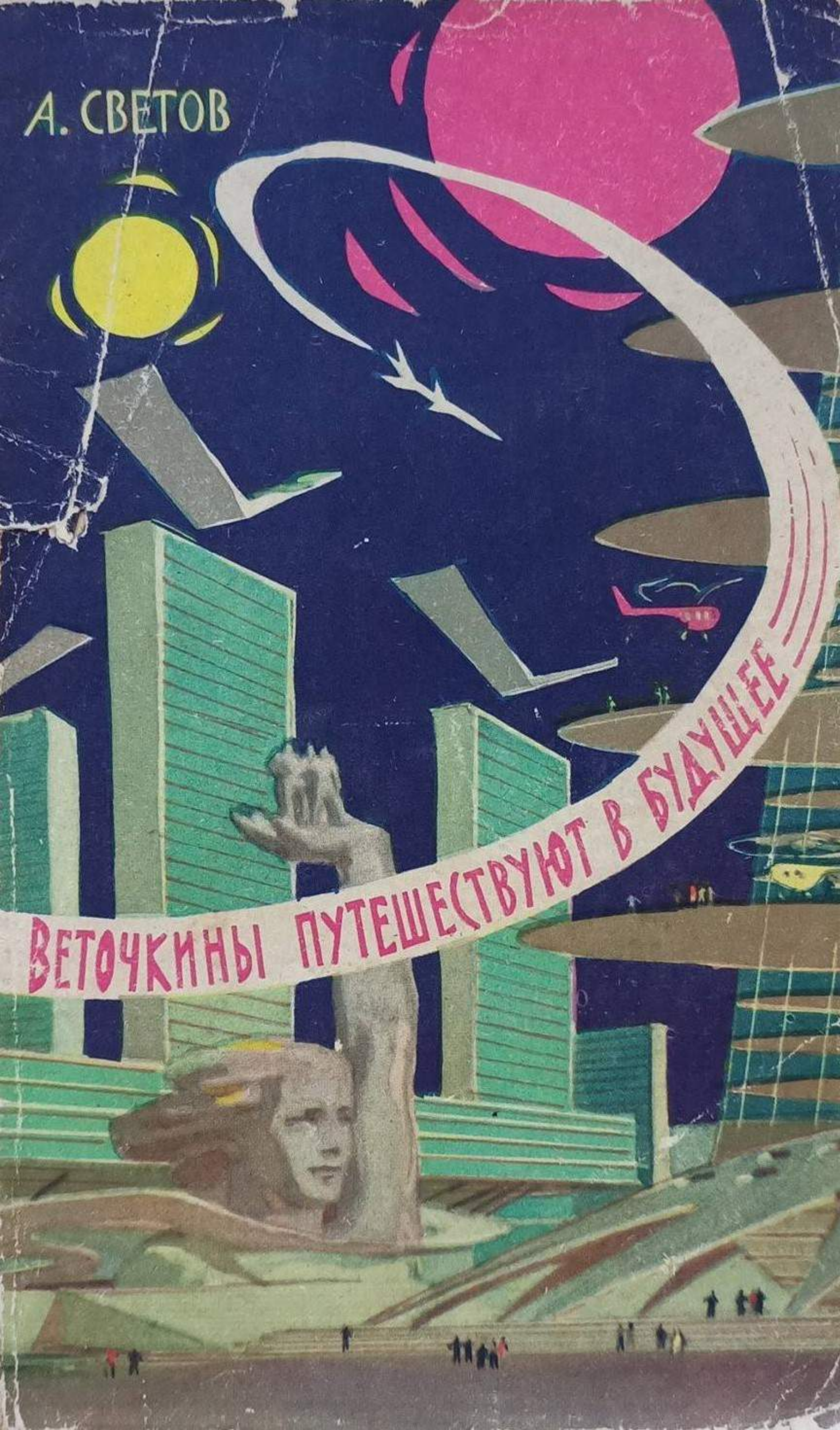

А. СВЕТОВ

ВЕТОЧКИНЫ ПУТЕШЕСТВУЮТ В БУДУЩЕЕ

А. СВЕТОВ

ВЕТОЧКИНЫ ПУТЕШЕСТВУЮТ В БУДУЩЕЕ

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Издательство
ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1 9 6 3

Художник А. СОЛДАТОВ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Герои этой повести — братья Веточкины — ваши сверстники. Ваня Веточкин учится в 5-м классе «Б», а его младший брат Гоша — в 4-м «А».

Недавно братья Веточкины пережили удивительное приключение и поведали о нем автору этой книги. Ну, а автор решил по секрету рассказать обо всем вам.

Уверяем вас, наши юные читатели, это очень увлекательный рассказ.

Напишите нам, понравился ли он вам.

Письма шлите по адресу: Москва, А-30, Сущевская улица, 21. Издательство «Молодая гвардия». Массовый отдел.

ВЕТОЧКИНЫ СПОРЯТ О БУДУЩЕМ

В воздухе кружились желтые листья, похожие на маленькие золотые планеры. Высоко в небе раздавалось прощальное курлыканье журавлей. В школу грузовик привез черный блестящий антрацит. Одним словом, был обыкновенный осенний день с его обычными приметами и заботами.

И в этот обычный день случилось необычайное событие: исчезли два мальчика. Исчезли, словно растаяли в воздухе. Один — роста небольшого, волосы светлые, выющиеся, глаза карие, нос курносый, в крапинку. Это Гоша Веточкин. Другой — ростом повыше, стриженный, глаза голубые, на щеке родинка — старший брат Гоши, Ваня. Обыкновенные мальчики.

Впрочем, скажу вам по секрету, мне кое-что удалось узнать о Гоше и Ване, и я расскажу вам об этом. Только вам! А вы никому ни слова. Договорились?

Погодите, дайте вспомнить, как это произошло.

Накануне того памятного дня, вечером, Гоша решил задачку. Вернее, только делал вид, что решал. Обхватив голову руками, он сидел за столом, уставившись в задачник. Буквы и цифры прыгали перед глазами и почему-то превращались в футбольные мячи. Гоше казалось, что он стоит в воротах и от-

бывает эти трудные — ох, какие трудные! — мячи. Потом он снова, в который уж раз, стал перечитывать условие задачи: «В бассейн каждую минуту притекает 140 литров воды. Вытекает из бассейна...»

Гоша тяжело вздохнул и умоляюще посмотрел на брата. Ваня, забравшись с ногами в кресло, читал какую-то книжку. «Герберт Уэллс. Машина времени», — прочитал на обложке Гоша.

— Вань, а Вань. У меня не получается...

— Я тебе уже два раза объяснял, — не поднимая от книжки головы, сказал Ваня. — Решай!

— Ну и не надо! — рассердился Гоша. — Буду я вам решать задачки! Вот возьму и убегу! В Индию уеду, как Афанасий Никитин. Или на Северный полюс, как Седов или Амундсен.

— Найдут, — убежденно сказал Ваня. — Через милицию обязательно найдут. Вот если бы у тебя была машина времени, тогда другое дело. Повернул рычажок — и прилетел бы ты... в завтра.

— Лучше... во вчера, — покачал головой Гоша, вспомнив, что завтра его ждет неприятный разговор с отцом.

Утром, собираясь на работу, отец, конечно, обнаружит пропажу новой запонки. Ну, как ему объяснить, что запонка позарез нужна была Гоше — он выменял ее на красивого черно-синего жука. Правда, Колька Лукашин обманул его — жук-то оказался обыкновенным, навозным. Но Гоша тут же выменял у Олежки жука на живую пчелу и в придачу получил целую кучу пчелиных ячеек. Он собирался достать улей и стать пасечником, как отец Олежки. «С запонкой, может быть, дело и уладится, — рассуждал Гоша, — а вот за швейную машинку обязательно влетит». Гоша развинтил ее, чтобы достать колесико. Разве мама поймет, что без этого колесика никак не обойтись. Оно нужно для модели электровоза, которую строит его приятель Витька. Нет, не поймет!

Гоша снова вздохнул и сказал:

— Лучше прилететь не в завтра, а во вчера.

— А ты хитрый, — засмеялся Ваня, вспомнив, что вчера был день рождения Гоши и он получил много подарков. — Как бы тебе объяснить? Завтра — это будущее. Хоть одним глазком поглядеть, какое оно! Вот писатель Уэллс книгу написал о том, как один англичанин совершил путешествие на машине времени в будущее.

— Ну и что ж такого? — перебил Гоша. — Мы и так будем жить в будущем, в коммунизме. Через двадцать лет. Было бы, конечно, хорошо изобрести такую машину, чтобы нажать кнопку — и... сразу, вот сейчас же очутиться в будущем. В двухтысячном году! При полном коммунизме.

— Интересно, — засмеялся Ваня, — что бы ты тогда делал?

— О! — воскликнул Гоша. — Тогда бы я жил лучше всех!

— Ну, уж нет! — покачал головой Ваня. — Тогда все будут жить лучше всех.

— А как ты думаешь, кем я тогда буду?

— Вот этого я не знаю, — засмеялся Ваня. — Наш классный руководитель Федор Иванович говорит: для человека важно не кем он будет, а каким он будет.

— Что значит каким? — пожал плечами Гоша.

Ваня отложил книжку, задумчиво посмотрел в окно. В бархатных сумерках желтели огни.

— Каким? — переспросил Ваня. — Это значит смелым, как наши космонавты Юрий Гагарин, Герман Титов, Андриян Николаев и Павел Попович. Это значит сильным, как олимпийский чемпион Юрий Власов. Это значит помогать товарищам, защищать слабых, не бояться говорить правду в глаза и не списывать задачки на уроках...

— А кто списывал? — обиделся Гоша. — Ты что, видел, как я списывал?

— А ты не ершился, — засмеялся Ваня. — О присутствующих не говорят.

— То-то, — успокоился Гоша. — Если хочешь знать, при коммунизме и в школу ходить не надо будет.

— Это почему же?

— Так, — уклончиво сказал Гоша. — С двойками одна морока.

— А ты учишься как следует, тогда и двоек не будет.

— Тебе хорошо говорить! А мне вчера Иван Петрович опять пару по арифметике ни за что ни про что поставил. Тройки ему жалко, что ли?

— Тройка тоже не апельсин.

— Как для кого.

— Ну хорошо, — засмеялся Ваня, — а почему же в школу не будешь ходить?

— Мы же при коммунизме будем жить! Так? Все, что захочешь, даром получай. Захотелось тебе, например, пирожков с вареньем — пожалуйста. Кнопку нажми: жвик! Только рот пошире открывай. А чтобы пирожки глотать, никакой науки не надо.

— Эх ты, несознательное существо. Амеба! — презрительно сказал Ваня. — Да, если хочешь знать, самое интересное — это все самому строить! Своими руками. А ты на готовенькое хочешь. И потом учти, в будущем люди тоже будут трудиться. Да еще как!

— А я разве отказываюсь? Я как все...

— Как все... — передразнил Ваня. — Давай-ка лучше ложиться спать. Уже поздно.

— Давай. У меня уже давно глаза слипаются.

Через несколько минут наступила тишина. Только часы в соседней комнате отсчитывали секунды: тик-так, тик-так, да за окном изредка шуршала по асфальту запоздалая машина.

В СУДЬБУ ВЕТОЧКИНЫХ ВМЕШИВАЕТСЯ ВОЛШЕБНИК

Утром, когда братья Веточкины отправились в школу, Гоше пришла в голову счастливая мысль. «Самое короткое расстояние между двумя точками — это прямая, — подумал он. — Следовательно...» Мысленно проведенная им прямая линия пересекла овраг, покосившийся забор, протянулась мимо старой каменоломни и уперлась в кирпичное здание школьного гаража.

— Вот здорово! — воскликнул Гоша. — Как это я раньше не догадался? Ходил всю жизнь, как дурак, по тротуару, когда можно напрямик.

Братья кубарем скатились на дно оврага, затем перелезли через забор и очутились у входа в каменоломню.

— Куда торопиться? В школу еще рано, — сказал Веточкин-младший, присаживаясь на камень. — Вань, а Вань, — помолчав, окликнул он, — а что, если бы и в самом деле вдруг явился добрый волшебник, посадил бы нас на ковер-самолет и сказал: «Летите, ребята, в будущее. Счастливого вам пути!»

— Тоже придумал! — засмеялся Ваня. — Добрые волшебники и ковры-самолеты только в сказках бывают.

— Ты ошибаешься, — раздался чей-то голос. — Волшебники бывают не только в сказках. Я помогу вам, мои юные друзья, увидеть будущее.

Перед мальчиками стоял круглолицый молодой человек с веселыми, проницательными глазами. Он

кого-то напоминал Ване. Но кого именно? Ну, конечно, нового управдома! Он обещал ребятам оборудовать спортивную площадку.

— Ты ошибаешься, мальчик, — словно прочитав его мысли, сказал незнакомец. — Я вовсе не управдом и никому ничего не обещал. Я самый обыкновенный волшебник, и зовут меня Сергей Иванович...

— Волшебников так не зовут! — перебил его Гоша. — И потом все волшебники с бородой, а у вас и усов-то нет.

— Борода — дело наживное, — засмеялся незнакомец. — А зовут меня все-таки Сергеем Ивановичем. Хочешь, я паспорт покажу?

— Мы вам и так верим! — поспешно сказал Ваня.

Теперь он был уверен, что этот человек и в самом деле не управдом, а волшебник. Разве обыкновенные управдомы умеют читать чужие мысли?

— Хотите, я покажу вам фокус? — улыбаясь спросил волшебник. — Опля!

Он взмахнул тросточкой. И — о чудо! — тросточка превратилась в змею. Змея выскользнула у него из рук и исчезла в густе камней.

— Ха! — громко сказал Сергей Иванович и выдохнул изо рта пламя. Еще мгновение, и в руке у него очутилось куриное яйцо. Другое яйцо он вынул изо рта, еще одно — из уха. Через минуту у него оказалась полная шляпа яиц. А еще через мгновение он вытащил из кармана целый ворох шелковых платков.

— Видел! — пренебрежительно пожал плечами Гоша.

— Что ты сказал? — удивился волшебник.

— Эти фокусы я уже видел в цирке. Покажите что-нибудь поновее. Или вот, — Гоша вынул из портфеля дневник, — переделайте двойку на пятерку. Тогда я поверю, что вы настоящий волшебник.

— Увы, — покачал головой Сергей Ивано-

вич, — такие чудеса мне не подвластны. Это может сделать только один человек.

— Кто? — оживился Гоша.

— Ты сам. И то при одном условии...

— Знаю, — уныло сказал Гоша. — Надо хорошо учиться. А на это у меня времени не хватает. Послушайте, — вдруг оживился он, — а вы и в самом деле можете перенести нас в будущее?

— Конечно. С помощью вот этого эликсира.

Сергей Иванович протянул флакон с какой-то жидкостью. Гоша понюхал, зажмурился и отпил из флакона. Эликсир оказался приятным на вкус.

Гоша зевнул, потянулся и, положив портфель под голову, сладко уснул.

— Послушайте, — вдруг вспомнил Ваня, — а как же мы обратно вернемся?

— Очень просто, — сказал волшебник. — Стоит вам только произнести заклинание: «Ал лал, робин рой, унеси меня домой» — и вы сразу же вернетесь. Запомнил?

— Ага, — сказал Ваня и тоже глотнул из флакона. Он почувствовал, что земля уходит у него из-под ног, голова тяжелеет, и вдруг все исчезло.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Когда Ваня очнулся, первая его мысль была о школе. «Если поторопимся, то, пожалуй, еще успеем к первому уроку. Надо поскорее разбудить Гошу, — подумал он. — Интересно, как мы сюда попали? Какая-то пещера... Ага, вспомнил, волшебник Сергей Иванович... Эликсир...»

Ваня поднялся и больно стукнулся головой о каменный свод. В воздух от его движения поднялось облако пыли. Ваня чихнул, да так громко, что Гоша тоже проснулся, поднял голову и протер глаза.

— А ну, скорей вставай, соня! — крикнул Веточкин-старший и, не дав брату опомниться, потянул его за рукав.

Мальчики выбрались из пещеры и очутились

в густой заросли парка. Они долго шли по какой-то аллее и вышли на улицу.

Улица, такая привычная, неузнаваемо преобразилась. На углу, там, где Гоша любил играть в классы, теперь возвышался новый высокий дом с большими окнами и красивыми золотистыми стенами. Клены и каштаны, тронутые багрянцем осени, стояли вокруг такие праздничные и нарядные, словно собрались на карнавал. Но куда же девался старый асфальтовый тротуар, на котором так хорошо было чертить мелом квадраты и прыгать на одной ноге? Вместо тротуара мимо домов мчались бесконечные ребристые дорожки, похожие на движущуюся лестницу метро.

— Ну вот! Кажется, мы в будущем, — сказал Гоша, и веснушчатое лицо его расплылось в улыбке.

Движущийся тротуар помчал братьев мимо домов, украшенных мозаикой, мимо спортивных площадок, бассейнов и садов. В листве деревьев прятались яблоки. На клумбах пестрели осенние цветы — белые хризантемы, разноцветные астры...

Вероятно, было еще рано, так как людей на улицах было мало. Гоша заметил, что женщины одеты в простые, но красивые платья светлых тонов, а мужчины — в легкие и очень удобные костюмы, похожие на спортивные. Куда девались неуклюжие, сковывающие движения пиджаки? А галстуки, шляпы? Да, да. Ни шляп, ни шапок, ни кепок никто не носил.

— Вероятно, это потому, — высказал предположение Ваня, — что люди перестали бояться свежего воздуха, простуды. Да это и здоровее.

— Как! — воскликнул Гоша. — А для украшения?

— Для человека лучшее украшение это... сам человек, — изрек Веточкин-старший. — Кстати, ты обратил внимание? Мы не встретили ни одного седого или лысого. Ни одного чересчур толстого или слишком тощего... Смотри, смотри! — вдруг воскликнул он, подняв голову.

Над братьями Веточкинскими пролетал по воздуху человек. Серебристые крылья за его спиной, вибрируя, издавали легкое жужжание. Человек скрылся за углом высокого дома. На противоположной стороне улицы к большому зданию в форме конуса бесшумно подлетел двухместный вертолет. Он причалил к балкону на восьмом этаже. На балкон выпрыгнула из вертолета стройная девушка. Она помахала рукой кому-то, оставшемуся в кабине, и вертолет бесшумно взмыл к облакам.

Ваня не переставал удивляться. Гоша ко всему относился спокойно. Он делал вид, что все это ему уже давным-давно известно.

— Подумаешь, — говорил он, — ну, летают! Были бы у меня такие крылья, и я бы полетел... Ну, куда же мы пойдем?

— Куда? В школу, — не очень уверенно сказал Ваня.

— Да ты что? — засмеялся Гоша. — За кого ты меня принимаешь! Да я ни за какие коврижки...

— Ну нет! — твердо сказал Ваня. — Ты думаешь, если мы перенеслись в будущее, то и учиться не надо?

— Ничего не думаю. Только и школы-то нашей давно на свете нет. Может быть, и вообще-то теперь без школ обходятся? — с надеждой добавил Гоша.

— Не может этого быть, — убежденно сказал Ваня.

Оглядевшись по сторонам, он увидел на углу табличку: «Улица Ленина».

— Ну, вот видишь! — обрадованно воскликнул Ваня. — Улица Ленина... Третий дом от угла. Здесь должна быть наша школа.

Веточкины нашли третий дом от угла. Здесь и в самом деле была школа. Но как она изменилась! Рядом с новым высоким зданием расположились спортивные площадки, плавательный бассейн. В саду поблескивали стеклянные крыши уютных домиков.

— Я пойду разыскивать свой класс, — сказал Ваня. — А ты?

— А я подожду тебя здесь, — поспешно ответил Гоша.

— Нет! И ты пойдешь к себе в класс! — твердо решил Ваня.

Гоша нехотя поплелся за братом,

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КАРТЕ

В школу Веточкины пришли перед самым звонком. Гоша побежал отыскивать свой класс — четвертый «А». Ваня поднялся по лестнице в пятый «Б». Ему все еще казалось, что стоит только протереть как следует глаза, и сон исчезнет.

Прозвенел звонок. Ваня робко вошел в класс. Это был совсем не такой класс, в каком он учился. Просторная светлая комната с окном во всю стену. Повсюду — цветы. На стенах — картины. Вместо классной доски — серебристый экран. Рядом какой-то аппарат и вмонтированный в стену щиток с множеством рычажков и кнопок. Вместо парт — два ряда невысоких, удобных столиков.

Ваня увидел незнакомых ребят. Мальчики были одеты в красивые светло-синие комбинезоны и белые рубашки, на девочках были голубые платья.

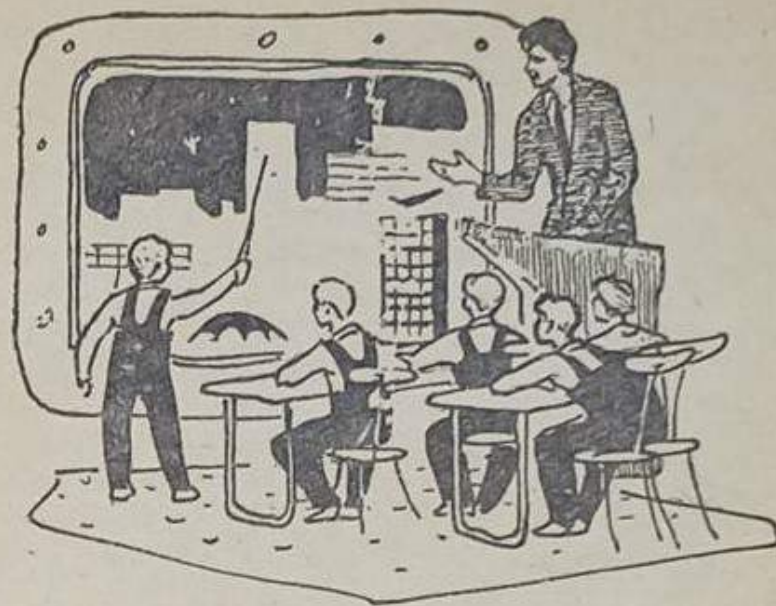
— Новенький, новенький пришел! — закричал какой-то мальчишка, похожий на Егорку Бабакина.

Ребята окружили Ваню и принялись рассматривать его серую, топорщившуюся гимнастерку. А тот, что был похож на Бабакина, даже потрогал медную пряжку на ремне.

— Ты откуда приехал? — спросил он. — С другой планеты? Да?

— Чего ты пристал? — отмахнулся Веточкин. — Откуда надо, оттуда и приехал. Ты что? Не узнаешь меня, что ли?

В эту минуту Ваня и в самом деле вдруг решил, что это его приятель Егорка — до того маль-

чишка был похож на Бабакина, с которым он сидел за партой.

— Да я тебя первый раз вижу! — удивился мальчик.

— Брось разыгрывать! — засмеялся Веточкин. — Ты же Бабакин! Егорка Бабакин?

— А ты откуда мою фамилию знаешь? Только я не Егорка, а Анатолий. Егором зовут моего прадедушку. Он тоже когда-то в этой школе учился. Только давно это было. В двадцатом веке.

— Слушай, Егорка... то есть Толя, а теперь какой век?

— Вот чудак! Двадцать первый.

Тут в класс вошел учитель географии, и все сели на свои места.

— Петров, — вызвал учитель. — Скажи нам, Петров, столицы каких стран Всемирного содружества наций тебе известны?

Петров подошел к экрану и нажал кнопку. Экран засветился, на нем обозначились контуры географической карты.

— Что это? — удивленно спросил Ваня своего соседа, вихрастого широкоплечего паренька.

— Разве не видишь? Обыкновенная телевизионно-географическая карта.

Ваня хмыкнул и сделал вид, будто эта загадочная карта его вовсе не интересует.

— Вот столица Английской народной республики — Лондон, — показывал Петров. — А вот Варшава, это Париж. А это Вашингтон — главный город Социалистических Штатов Америки.

Одну за другой Петров называл столицы разных стран и рассказывал о них. На экране, словно в цветном кино, появлялись города, широкие, прямые улицы, большие дома. По улицам мчались невиданной формы приземистые автомобили. В небе стремительно проносились стратосферные скоростные аэропоезда. В Риме ярко светило солнце, а в Вашингтоне часы отбивали полночь. Над Лондоном моросил дождь, прохожие кутались в плащи и прятались под зонтики.

— Садитесь, Петров, — сказал учитель. — А теперь пусть Толя Бабакин покажет нам природные зоны нашей страны — Союза Советских Коммунистических Республик.

Бабакин вышел к экрану и нажал кнопку. На экране появилась степь. Ваня почувствовал, как в воздухе распространился легкий аромат трав и цветов, почудилось дыхание ветерка.

Степь сменилась панорамой лесов, и Веточкин ощутил смолистый запах сосны, сыроватый грибной запах опавших листьев.

Учитель попросил показать побережье Северного Ледовитого океана. Тотчас раздался приглушенный рокот, на экране взметнулись громадные волны с белыми гребешками пены, и Ваня почувствовал солоноватый запах водорослей.

— Расскажи-ка нам, Бабакин, — попросил учитель, — о том, как была решена проблема Северного Ледовитого океана и улучшен климат в полярных и умеренных широтах земного шара.

— Значит, так, — начал Толя.

И Веточкин отметил про себя, что этими словами начинал обычно отвечать урок и Егорка, пра-

дедушка нынешнего Бабакина, и его никак не могли отучить от этого.

— Значит, так, — повторил Толя, — климат многих районов нашей страны, а также Америки и Канады был суровым. Морозы и метели мешали людям жить, строить фабрики и заводы, прокладывать дороги. Особенно трудно приходилось в Арктике, в краю вечных льдов, где земля никогда не оттаивала и не было ни лесов, ни садов, ни пашен. А всему виной был Северный Ледовитый океан.

На экране снова появился безбрежный простор океана, и послышался рокот волн.

— На тридцать миллионов квадратных километров, — продолжал Бабакин, — простираются воды Ледовитого океана. Отсюда холодные массы воздуха устремлялись на Советский Союз. Поэтому почти половину нашей территории занимала вечная мерзлота. Суровое дыхание Арктики сказывалось не только у нас в стране. На севере Японии часто не вызревал рис, во Франции и Италии замерзали виноградники, многие реки и озера Соединенных Штатов Америки и Канады большую часть года были скованы льдом. Надо было растопить лед в Северном Ледовитом океане, — продолжал Бабакин. — И тогда сразу же изменился бы климат нашей планеты. Но как это сделать? Ученые Советского Союза предложили использовать мощное теплое течение Гольфстрим, которое поступает в Северный Ледовитый океан из Атлантического. Но дело в том, что в борьбу с Гольфстримом вступали холодные течения — Лабрадорское и Восточно-Гренландское. Они охлаждали его и не давали растопить толстую ледяную броню.

Бабакин снова нажал кнопку, и на экране появились огромные айсберги. Одни из них напоминали сказочные замки с зубчатыми башнями и остроконечными шпилями, другие были похожи на скалистые, покрытые снегом горы. На одной льдине, словно изваяние, застыла белая медведица. Рядом резвился пушистый медвежонок. Поодаль черными тушами распластались на снегу усатые моржи.

— Таким был Северный Ледовитый океан лет двести назад, — продолжал Бабакин. — Но вот по проекту ученых Берингов пролив перегородили огромной плотиной с целой системой мощных насосов.

На экране появилась голубая полоска пролива, отделяющего Чукотку от американской Аляски. Пролив пересекала прямая, как стрела, лента железобетонной плотины.

— Плотины, длиной в семьдесят четыре километра, — продолжал Бабакин, — строили вместе с Советским Союзом народы многих стран. Все народы были заинтересованы в том, чтобы улучшить климат на Земле. И вот плотина преградила путь холодным течениям, не давала им смешиваться с Гольфстримом. И теплые воды Гольфстрима растопили на своем пути вековые льды. А когда лед и снег исчезли, воды океана стали поглощать больше солнечного тепла и климат стал мягче. В Якутии, там, где когда-то был край вечной мерзлоты, теперь расцвели сады. Безлюдные тундры Канады и Аляски превратились в луга и пастбища. Заморозки не угрожают рисовым полям Японии и виноградникам Франции. Климат изменился повсюду. Посмотрите, как выглядит теперь Арктика.

Ландшафты, один красивее другого, сменяются на экране. Вдоль побережья Северного Ледовитого океана плывут атомные корабли. На палубе в шезлонгах отдыхают пассажиры. На них легкая летняя одежда. Другая картина: под тяжестью золотистых плодов склоняются к земле сады Якутии. Девушки якутки с песнями собирают урожай яблок. Оживление царит на улицах и площадях новых заполярных городов. Вот запряженная в легкую коляску мчится четверка белых оленей, специально выведенных в условиях теплого климата. Это школьники младших классов отправляются на загородную прогулку. Старшеклассники мыса Уэллен в это время работают на школьном огороде. Они собирают в корзины красные сочные помидо-

ры, срезают с грядок кочаны капусты. Самоходные тележки бесшумно увозят овощи с огорода.

— Вот это здорово! — подумал Ваня. — Сидишь в классе, а перед тобой весь мир.

Он подумал вслух, так как учитель тотчас повернулся к нему.

— А-а, — сказал он. — У нас новенький? Ну-ка, мой юный друг, пожалуйста к экрану.

Ваня почувствовал, как от этих слов у него привычно похолодело под ложечкой.

— Расскажи-ка нам о Каракумах, — попросил учитель.

Веточкину, можно сказать, повезло. Недавно он прочитал интересную книжку «Лик пустыни». Поэтому отвечать начал бойко и уверенно.

— Что такое пустыня Каракумы? Само название, означающее «Черные пески», говорит о том, что она собой представляет. Представляете себе огромное, выжженное солнцем пространство, раскинувшееся к югу от Аму-Дарьи в Средней Азии. Климат сухой, резко континентальный, дожди выпадают редко. Бывает, что дождей нет месяцами, поэтому растительность скудная, лишь кое-где встречается саксаул. Вокруг пески и солнце. Можно проехать неделю и не встретить ни травинки, ни колодца, ни селения...

За одним из столиков кто-то хихикнул и проронил:

— Ну и фантазер!

— Хорошо, — сказал учитель. — Только почему ты начал с далекого прошлого? Расскажи нам о современных Каракумах.

И вдруг Ваня услышал отчетливый шепот. Ему даже показалось, что кто-то приставил к его ушам невидимые наушники и в них чей-то голос настойчиво твердит: «Каракумский комплекс... комбинат... города... шахты».

— Петров! — раздался сердитый голос учителя. — Ты опять принес в класс ультракоротковолновый подкачик? Не оправдывайся! Я все слы-

шал. Ты не мог даже как следует настроиться на волну! Сейчас же положи аппарат на стол и выйди из класса. А твоя, молодой человек, — повернулся он к Ване, — как фамилия? Веточкин? Так вот что, Веточкин, отметку я тебе пока ставить не буду. Почитай как следует учебник и побывай сегодня же в Каракумах. Бабакин, — вызвал учитель, — возьми школьный ракетоплан, я сейчас дежурному записку напишу, и после уроков слетай с новеньким в Каракумы. Пбсадку можно не делать. К вечеру вернитесь.

Бабакин, видимо, не очень обрадовался поручению. На перемене он подошел к Веточкину и сказал:

— Эх ты! И сам не ответил и меня подвел... Думал, на футбол поспеть. А теперь придется лететь с тобой в Каракумы.

— А успеем? — осторожно спросил Веточкин. — Все-таки шесть тысяч километров.

— Пустяки. У ракетоплана скорость десять тысяч километров час. До вечера успеем туда и обратно.

«Надо будет Гоше рассказать, — подумал Ваня. — Вот удивится».

Следующий урок — по русскому языку и литературе — пролетел для Веточкина-старшего незаметно. Он любил этот предмет. Правда, он боялся, что его снова вызовут, но, к счастью, все обошлось благополучно.

Учительница рассказывала о поэтах и прозаиках, имена которых Ване приходилось слышать впервые. Он, конечно, догадывался, что эти писатели появились на свет в последние десятилетия двадцатого века. «Мы их не проходили, — подумал он. — Ну ничего, спрошу у ребят. Вот хорошо, что мы с Гошей догадались попросить Сергея Ивановича перенести нас в будущее. А что, если бы очутились в прошлом? При царе или в каком-нибудь бронзовом, а может, и в каменном веке?» Веточкин даже вздрогнул при одной мысли об этом.

О ТОМ, КАК ГОША ПЕРЕВОДИЛ С АНГЛИЙСКОГО

Гоша успел уже подружиться со своими новыми товарищами из четвертого класса «А». Для того чтобы избежать лишних расспросов, он сказал им, что приехал с братом издалека. Откуда? Это секрет, и лучше пусть не спрашивают — все равно не скажет. Ребята удивились, но расспрашивать не стали.

На перемене, перед уроком английского языка, Гоша сидел на подоконнике, болтал ногами и разговаривал с Сеней Малышевым, которого за его маленький рост называли Малышкой. Сеня говорил внушительным басом, с чувством собственного достоинства.

— А мой брат знаешь, куда полетит? — похвалился Гоша. — В Каракумы!

— Ну и что ж такого? — пренебрежительно дернул головой Малышок. — Вот когда мой дедушка из рейса вернется, я попрошу у него ракетоплан и махну в Антарктику, на Южный полюс.

— А кем работает твой дедушка? — поинтересовался Гоша.

— Водителем.

— Автобуса?

— Да нет.

— Значит, троллейбуса?

— Да нет же! Он летает. Он водитель межпланетных кораблей. Сейчас полетел в рейс на Марс. С товаро-пассажирским составом.

Гоша открыл было рот, но, вспомнив, что он живет в двадцать первом веке, солидно заметил:

— Хорошая работенка у твоего дедушки. А это у тебя что?

— Обыкновенная счетная машинка. Электронная. Сама задачи решает и с английского переводит.

Глаза у Гоши загорелись.

— Давай меняться.

Малышок покачал головой.

— Не могу, — пояснил он. — Подарок.

— Как хочешь, — стараясь казаться равнодушным, пожал плечами Гоша.

— А у меня тоже одна вещичка есть, — похвастался он и вытащил из кармана электрический фонарик.

— А ну-ка, дай поглядеть.

— Не хватай!

— Ого! — воскликнул Малышок. — Да это же редкая вещь. Музейная! Где ты ее достал?

— Подарили. Ко дню рождения подарили. Давай на машинку меняться.

— Бери! — немедленно согласился Малышок.

Гоша взял у Сени машинку и стал ее рассматривать.

— А ты правду сказал, что она с английского переводит и задачки решает?

— Ну, конечно! С какого хочешь языка переведет. Вот этот рычажок — специально для задачек.

Гоша был не в ладах с английским языком и арифметикой, а теперь после стольких впечатлений у него и вовсе все из головы вылетело.

— Она и не то еще умеет, — сказал Малышок. — В шахматы сама играет.

— Эх, жаль, в шахматы я не умею.

Гоша вдруг подумал, что учительница обязательно вызовет его. Такой уж он невезучий — его всегда вызывают именно тогда, когда он не выучил урока.

— Какие же вы, ребята, счастливые, — вздохнул Гоша. — Вам и уроков делать не надо...

— Как так не надо? — удивился Малышок. — А кто же за нас делает?

— А машинка на что? Была бы у меня такая машинка, я бы всегда в отличниках ходил.

— Так ведь это же игрушка, — засмеялся Малышок. — А учиться все равно надо.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — усмехнулся Гоша. — Да и зачем учиться? Теперь машины все сами делают. Нажал кнопку — жвик, и готово!

— Эх ты, «жвик, и готово»! — засмеялся Малышок и лукаво подмигнул ребятам, обступившим их. Затем он покрутил какой-то винтик в машинке и протянул ее Гоше.

В эту минуту раздался звонок. В класс вошла учительница. Ребята бросились по своим местам. Гоша отдал Малышеву фонарик, спрятал машинку в стол и открыл учебник.

Англичанка и в самом деле вызвала Гошу. Она попросила его перевести коротенький рассказ «Мой брат, моя сестра и я».

Гоша незаметно подставил страницу учебника к экрану электронной машины и бойко без запинки перевел:

— У нас в семье сто двадцать детей. Моя сестра Аня пасется на лугу и питается вкусным сеном. Ей двести семьдесят лет и три месяца. Она совсем маленькая, но уже прочитала «Капитанскую дочку», «Трех мушкетеров» и «Двух капитанов». Мой брат Коля вертит хвостом и хорошо поет...

В классе раздался такой хохот, что в окнах за-

звенели стекла. Когда все немного успокоились, учительница вызвала девочку, сидевшую за первым столом, и предложила ей перевести тот же отрывок. Та перевела:

— У нас в семье трое детей: два мальчика и девочка. Девочку зовут Аней. Ей шесть лет. Коле восемь лет. Он уже ходит в школу...

— Эх ты! А еще товарищем называешься, — чуть не плача, укорял на перемене Гоша Сению. — Разве это машинка? Недоразумение какое-то, а не машинка!

— Я пошутил, — засмеялся Малышок. — Машинка хорошая, только с нею надо уметь обращаться. А ты «жвик», и готово! Если хочешь знать, эта машинка не только переводит, но и стихи сама сочиняет.

Вокруг них собрались ребята. Сения повернул рычажок, и в мембране машинки раздался отчетливый металлический голос:

Смешались цифры и слова,
И в переводе — мешанина.
Когда пустая голова,
То не поможет и машина.

Гоша бросился с кулаками на Малышка. Он так разозлился, что даже веснушки стали заметнее на его курносом побледневшем лице.

— Да ты что? — удивился Сения.

Он успел быстро наклониться, и удар пришелся в пустоту. Гоше все же удалось схватить Сению за воротник. Малышок непонимающе смотрел на него и улыбался. Вероятно, все это казалось ему забавной шуткой.

— Да ты что? — дружелюбно повторил он.

— Я вот тебя стукну, будешь знать, как насмехаться! — бушевал Гоша.

— Ребята! — закричал белобрысый мальчик. — Да он и шуток не понимает!

— Слушай, друг, — миролюбиво сказал Малышок, — так нельзя.

— Можно! — закричал Гоша, налетая петухом.

Но тут произошло то, чего он совсем не ожидал. Маленький и на вид шуплый Сения схватил его за руку выше кисти, да так, что Гоша вскрикнул. Он попробовал вывернуться, но не тут-то было. Пальцы у Сени будто железные. Гоша изумленно уставился на Малышка. Тот засмеялся и отпустил его руку.

— Ого! — воскликнул Гоша. — Я и не знал, что ты такой...

— Какой?

— Дай-ка пощупать мускулы.

Гоша потрогал мускулистую руку Сени и с уважением сказал:

— Сильный. Слушай, хочешь, давай дружить.

— Давай, — кивнул Малышок.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ РАСТЕНИЯ

— Веточкин, пошли! — окликнул Бабакин. — Сейчас машиноведение начнется.

Ваня сложил в портфель учебники и бросился вдогонку за приятелем.

Миновав стеклянную галерею, соединяющую учебный корпус с производственным, Ваня и Бабакин вошли в просторный светлый зал. Здесь было много растений и цветов, но росли они не в цветочных горшках и кадках с землей, а в больших стеклянных бассейнах, в которых журчала и плескалась какая-то жидкость, омывающая их корни.

Ваня заинтересовался растениями, принялся их рассматривать.

— Ты что, в первый раз это видишь? — спросил Бабакин.

— В том-то и дело, что не в первый. У нас... Одним словом, там, где я раньше учился, тоже такие опыты проводились. Только мы выращивали овощи и разные растения не в таких огромных бассейнах, а в стеклянных банках. Мы туда наливали раствор с минеральными удобрениями.

— И здесь минеральные удобрения, — кивнул Бабакин. — Они поступают сюда вместе с водой из центрального распределительного бассейна. Он весь город снабжает. Это очень удобно.

— Почему удобно?

— Разве не знаешь? Сады и цветники у нас всюду, даже на крышах и в самих зданиях, в залах, галереях. Зачем же натаскивать туда землю? Растения могут получать все, что им нужно, прямо из воды по трубам.

Веточкин-старший жестом остановил Бабакина, прислушался. Откуда-то доносились звуки музыки. Бабакин распахнул стеклянную дверь. Музыка стала громче.

— Входи, входи, — жестом радушного хозяина пригласил он. — Здесь наши опытные участки.

— А зачем музыка? — удивился Веточкин.

— Сейчас узнаешь.

Они вошли в большой похожий на оранжерею зал, разделенный стеклянными перегородками на небольшие участки. Сквозь прозрачную крышу падали лучи неяркого осеннего солнца, но в зале было светло и солнечно, как на юге в знойный полдень: мощные, скрытые плафонами лампы излучали яркий свет.

На одних участках в бассейнах с питательной средой росли яркие диковинные цветы, на других — кусты черной смородины с крупными темными, покрытыми сизоватым налетом ягодами, на третьих — клубника. Были здесь и участки с молодыми деревцами — березками, тополями, рябиной. Но не это удивило Веточкина. Музыка! Она звучала повсюду. В одном месте — громко и весело, в другом — тихо, мелодично. Оглядевшись по сторонам, Ваня увидел в каждой комнате-участке небольшой аппарат, похожий на портативный магнитофон. Автоматически переключалась лента, непрерывно звучала музыка. Но для кого же она? Кто ее слушает в этом зеленом царстве? Неужели цветы, кустарники, деревья?

Перехватив недоуменный взгляд Веточкина, Бабакин улыбнулся и пояснил:

— Это наш новый опыт. Из старинных книг мы узнали, что еще в середине двадцатого века ученые исследовали, как влияет музыка на развитие растений. Но тогда еще не было такой точной аппаратуры, как теперь, поэтому опыты не были закончены. Наш кружок юных натуралистов решил начать все сызнова.

— И удачно? — заинтересовался Ваня, вспомнив, что и он когда-то читал об этих удивительных исследованиях.

— Опыты еще не закончены, — пояснил Бабакин, — но мы узнали много интересного. Посмотри на этот прибор — измеритель роста. Видишь на шкале цифры? Они отмечают, насколько выросли деревца за месяц, за два, за год. Они гораздо выше и стройнее, чем такие же деревца на соседнем немзыкальном участке. А ягоды! Ты посмотри, какие они большие и сочные. Хочешь попробовать?

Веточкин с удовольствием съел несколько крупных ягод клубники, отведал черной смородины и крыжовника.

— А там что? — нерешительно остановившись перед дверью, из-за которой доносились какие-то странные звуки, спросил Веточкин.

— Сюда, пожалуй, не стоит заходить, — замаялся Бабакин.

— Это почему же?

— Видишь ли, растения так же, как и люди, не всякую музыку любят. Здесь... Впрочем, увидишь сам.

Бабакин толкнул дверь. Дикие, неистовые звуки ошеломили Ваню. Нет, это даже нельзя было назвать музыкой. Какие-то картавые возгласы, завывания, визг, оглушительные удары барабана терзали слух. Веточкин не выдержал и заткнул уши.

— Входи же! Не бойся! — легонько подтолкнул его Бабакин.

На этом участке росли дубки. Ваня сразу узнал их по широким резным листьям. Но какой жалкий

вид! Полузасохшие листья съежились, свернулись в трубочку, словно пораженные болезнью. Деревца отклонились в сторону от музыкального аппарата, вытянув навстречу звукам черные жилистые сучья, будто обороняясь.

Бабакин повернул рукоятку музыкального инструмента, сила звука уменьшилась.

— И откуда вы только достали эту... дрянь? — возмутился Веточкин.

— Нашли. В музее на свалке старинных вещей мы отыскивали патефонную пластинку двадцатого века. Конечно, и тогда была очень хорошая музыка. Но эта... Под такую музыку, говорят, веселились молодые люди.

— Отсталые молодые люди, — поправил Ваня. — Стиляги!

— Стиляги — это, наверное, люди с испорченным вкусом? — спросил Бабакин. — Разве нормальному человеку может понравиться такая музыка?

— Бедные дубки! — сказал Ваня. — Даже они не выдержали.

Но что это? Веточкин подошел к бассейну. Рядом с дубками росли гигантские сорняки — пырей, чертополох с огромными мясистыми листьями. Сорняки жадно тянулись к музыкальному аппарату и, как показалось Веточкину, даже слегка вздрагивали в такт музыки, будто собирались сорваться с места и пуститься в пляс.

— Вот видишь, — усмехнулся Бабакин. — Им, по-видимому, нравится такая музыка. Смотри, какие вымахали!

— Пойдем отсюда, — махнул рукой Ваня и торопливо направился к выходу.

МАЛЬЧИК ИЗ ПРОШЛОГО

Через несколько минут приятели очутились в другом зале, таком же большом и просторном, освещенном приятным для глаз рассеянным светом.

В глубине зала Ваня увидел шкафы с книга-

ми. На столах были разложены газеты и журналы. Под потолком висели серебристые модели диковинных самолетов и ракет. На подставках стояли макеты кораблей, зданий и каких-то машин. Двое мальчиков играли за столиком в шахматы. Другие затеяли недалеко от фонтана веселую игру с мячом.

— Это клуб? — спросил Ваня.

— Комната отдыха, — ответил Бабакин.

Пройдя зал, ребята очутились в длинном широком коридоре. По обе стороны его были стеклянные двери, такие же, как на опытных участках. На дверях таблички: «Цех наладчиков автоматных станков», «Отделение диспетчера телеуправляемой шахты», «Класс операторов атомной электростанции», «Цех сборщиков универсальных электронно-счетных машин».

— Здесь завод? — спросил Ваня.

— Учебно-производственные цехи нашей школы, — пояснил Бабакин. — Здесь мы изучаем массовые профессии. Наш класс готовит сборщиков жилых домов. Скоро будем проходить практику.

— Мне нравится профессия строителя, — сказал Ваня.

— Не строителя, а сборщика, — поправил Бабакин. — Автоматические цехи выпускают готовые детали, а сборщики монтируют из них дома. Хочешь, пойдем завтра на монтажную площадку?

— Завтра... — задумчиво сказал Ваня и вдруг вспомнил, что ему с Гошкой негде ночевать. Старый дом, где они когда-то жили, наверное, уже сломали. Что же делать?

— Толя, — дипломатично, издали начал Веточкин. — А у вас хорошая квартира?

— Такая же, как у тебя, — рассеянно ответил Бабакин.

— У меня? У меня нет квартиры... Даже не знаю, где буду ночевать.

Бабакин как-то странно посмотрел на Веточкина.

— Разве ты не в интернате живешь?

— В каком интернате?
— В школьном. Домой мы только в гости ходим... Странный ты какой-то...

— Не странный... А как бы тебе это объяснить?.. Я приехал... из... прошлого.

— Из прошлого? — вытаращил глаза Бабакин. — А ну, рассказывай!

Ваня рассказал Бабакину о волшебнике Сергее Ивановиче, о чудесном эликсире, который помог ему и Гоше перенестись в будущее. И чем больше Ваня рассказывал о том, как он жил в середине двадцатого века, тем больше удивлялся Бабакин.

— Ну и здорово! — воскликнул Бабакин. — Завидую я тебе, мальчик из прошлого.

— Завидуешь? — удивился Ваня.

— Ну да! Ваши отцы совершили революцию, боролись за мир, строили коммунизм. Знаешь, какой им почет! Свои лучшие книги наши поэты и писатели написали не о тех, кто живет сейчас, хотя и у нас немало людей, прославившихся своими подвигами и открытиями, а о тех, кто когда-то строил коммунизм. Вот они-то были настоящими героями! Но про них я только в книгах читал. А ты видел их. Жил рядом с ними. Счастливый ты!

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ В ЧАС

Двухместный атомный ракетоплан бесшумно взмыл в воздух. Бабакин сидел у пульта управления и с наслаждением облизывал эскимо.

— А ты дорогу знаешь? — боязливо спросил его Веточкин.

— Машина летит по заданному курсу.

Ваня взглянул в иллюминатор из толстой прозрачной пластмассы. С высоты Земля казалась большим раскрашенным глобусом. Зеленые пятна лесов, черные полотнища вспаханной земли, здания-коробочки, разбросанные то там, то здесь. Вот мелькнула светлая узенькая полоска, похожая на голубую ленту, кем-то оброненную на зеленый ковер.

— Волга, — коротко бросил Бабакин.

— Где? — быстро повернулся Веточкин.

— Где, где! — передразнил Бабакин. — Зевать не надо. Теперь мы летим уже над Уральским хребтом.

Но и Уральские горы промелькнули так быстро, что Веточкин не успел их как следует разглядеть.

— А это что за лужа? — спросил он, указывая на небольшое голубое пятнышко.

— Тоже сказал, — засмеялся Бабакин. — Это же Аральское море! Ну вот мы и приехали. Видишь, внизу Каракумы.

Скорость ракетоплана уменьшилась, земля как-то сразу приблизилась, стала огромной и рельефной. Ваня искал глазами пустыню, но вместо желтого, выжженного солнцем и покрытого мертвыми волнами барханов пространства увидел кудрявые рощи, поля, изрезанные ниточками каналов, белые домики под красными черепичными крышами.

— Смотри внимательно и запоминай, — предупредил Бабакин. — Петр Иванович тебя обязательно спросит. Сейчас мы подлетаем к Каракумску. Это областной центр. Полтора миллиона жителей. Здесь три института, восемь техникумов, филиал Академии наук...

— Погоди... Не так быстро, — попросил Веточкин. — А то я не успеваю запоминать. Раньше учиться легче было, — вздохнул он. — В учебнике сказано: пустыня. А раз пустыня, то известное дело — песок да солнце. А тут сколько всего...

— Ну и отстал же ты! — усмехнулся Бабакин. — Теперь все пустыни на земле исчезли. Одна Сахара осталась. Да и она скоро переменится. Сейчас мы пролетаем над электрохимическим комбинатом. Здесь азотистые удобрения делают.

— А из чего делают?

— Вот чудак! И этого не знаешь? Азот из воздуха добывают. Сначала в Узбекистане на реке Чирчик построили такой комбинат. Это еще в прошлом веке было. Ты должен знать. Тогда даже моего прадедушки Егора на свете не было. А сейчас такие заводы всюду есть.

Веточкин глянул вниз. Среди огромного сада раскинулись длинные светлые корпуса с большими

окнами. Казалось, что это вовсе и не завод, а санаторий.

— А где же у вашего завода труба? Разве он не на угле работает? — удивился Ваня.

— Конечно, нет! Уголь уже давно не сжигают. Заводы работают на термоядерной энергии. Ну-ка, посмотри вправо. Это шахтерский городок.

Веточкину вспомнился Донбасс, где он однажды побывал с отцом на шахте. Запомнились вышки, огромные дымящиеся терриконы — целые пирамиды пустой породы, извлеченной из недр. А здесь ничего похожего. Возле больших белых зданий разбиты цветники. Уютные домики утопают в садах. Кое-где поблескивают, словно зеркала, прямоугольники плавательных бассейнов.

— Интересно, — сказал Веточкин, — как же теперь работают под землей?

— Под землей люди уже давно не работают! — засмеялся Бабакин. — Теперь под землей одни машины. А ими управляют с поверхности земли. Пульт управления находится в домике, вон в той рощице.

— А куда уголь вывозят? — поинтересовался Веточкин.

— Из него прямо под землей вырабатывают газ. А из газа разные химические вещества — краски, жиры, лекарства. Одним словом, все, что требуется.

— А как добывают теперь железо, медь, олово? В рудниках? Так же, как и раньше?

— Рудников теперь тоже нет. Сам посуди, зачем они нужны, если добывать металл можно проще? Мы в школе это еще в прошлом году проходили. И на экскурсию ездили. Накачают под землю кислот или щелочей, растворяющих руду, а обратно качают насосами растворы металлов. Из раствора на обогатительной фабрике извлекают чистый металл. Я бы тебе мог рассказать...

Но тут Веточкин перебил его.

— Смотри! — закричал он. — А это что за озеро?

— Это? Постой, постой... Это, кажется, Каракумское море! Да, правильно. В него впадает река Большая Каракумка. Ты запоминай. Об этом Петр Иванович тоже спросит.

Бабакин нажал какую-то кнопку, и ракетоплан лег курсом к видневшимся вдали высоким снежным вершинам. Он летел вдоль русла широкой, извивающейся, словно лента, реки.

— Это искусственная река. Понял? — спросил Бабакин.

— Нет, не понял, — честно сознался Веточкин.

— Ну, что мне с тобой делать? — сокрушенно развел руками Бабакин. — Не думал, что ты так плохо соображаешь...

— Я хорошо соображаю, — обиделся Веточкин. — Только у нас в прошлом...

— Ну ладно, не обижайся. Слушай, — перебил Бабакин. — Еще в те времена, когда здесь была пустыня, люди решили оросить ее. Сначала, ты это знаешь, построили Каракумский канал. Но воды потом все равно на всю пустыню не хватило. Тогда люди подумали: где же еще взять воду, как не на Памире! Сам знаешь, какие там ледники! На сотни лет запасов воды хватит — настоящая кладовая. Надо было только растопить лед. Ну, построили в горах термоядерную станцию имени столетия Октября. Лед начал таять. Появились реки Большая и Малая Каракумки, новые каналы, водохранилища. В пустыне стали сеять хлопок, развели сады, виноградники, построили города, шахты.

Веточкин, не отрываясь, смотрел в иллюминатор. Внизу пенилась река. Вдоль ее берегов по дорогам мчались машины. Высоко в горах, возле огромного голубого ледника, возвышались корпус термоядерной станции и небольшие коттеджи со стеклянными крышами. То там, то здесь на солнце поблескивали оранжереи.

— Как бы нам не опоздать! Уже темнеет, — воскликнул Бабакин. — Летим-ка назад!

И ракетоплан со скоростью десять тысяч километров в час полетел обратно.

ВЕТОЧКИНЫ ДЕЛАЮТ ЗАРЯДКУ

— **П**одъем! — закричал Бабакин, сдергивая с Гоши одеяло.

Гоша замахал руками, что-то промывал и отвернулся к стене. Ему очень хотелось спать.

Ваня проснулся сразу. Он вскочил с кровати и ощутил под ногами мягкий, пушистый ворс ковра. «Где я? — подумал он и вдруг вспомнил все, что с ним произошло. — Ах, да! Ведь это интернат. Вчера вечером сюда привел меня и Гошу Бабакин».

В большое, во всю стену, окно светило неяркое утреннее солнце сентября. Часы на столике показывали без десяти семь.

— На зарядку становись! — весело объявил Бабакин.

По примеру Бабакина Веточкин-старший аккуратно сложил постель, нажал кнопку у изголовья, и кровать мгновенно исчезла в углублении стены. Затем Ваня растолкал Гошу и стянул его с постели. Гоша хотел было снова нырнуть под теплое одеяло, но брат оказался проворнее, он успел нажать кнопку, и Гошина кровать ускользнула из-под самого его носа в проем стены. Спальня превратилась в просторную комнату для занятий.

«Сейчас Бабакин откроет окно и включит радио. Под музыку мы начнем делать гимнастику, — подумал Ваня. — А потом — под душ!»

Но Бабакин и не думал открывать окно и включать радио.

— Выходи! — скомандовал он и вышел из комнаты.

Ваня и Гоша охотно последовали за ним. Им было очень интересно узнать, что произойдет дальше.

Они вышли в коридор. Из всех комнат в трусах и майках выбегали школьники, весело переговариваясь. Гурьбой они устремлялись к скоростным лифтам. Бабакин и Веточкины вошли в кабину, дверь захлопнулась, и лифт бесшумно поднял их наверх. Они очутились на плоской крыше, огоро-

женной со всех сторон высокой сеткой. Здесь было множество спортивных площадок — волейбольных, городошных, теннисных.

Растянувшись цепочкой, ребята сделали небольшую пробежку. Затем откуда-то появились мячи. Разделившись на команды, школьники приступили к игре. Правила были несложными. Живая, быстрая и увлекательная игра напоминала волейбол. Каждая команда старалась перебросить мяч через сетку на сторону противника.

Прошло пятнадцать минут, и по свистку капитана игра оборвалась.

Вставая под душ, Веточкин почувствовал легкую усталость, сменившуюся вскоре необыкновенно приятным чувством бодрости и приливом сил.

— Послушай, — обратился он к Бабакину, — а как же утренняя зарядка?

— А мы что делали? — засмеялся Бабакин. — Это и была зарядка!

— Как же так? — удивился Ваня. — Зарядка — это бег на месте, прыжки, наклоны туловища. А мы играли.

— Это и есть игра-зарядка, — пояснил Бабакин. — Разве неинтересно?

— Очень! Только...

— Мы выполняли все, — перебил Бабакин. — Бег, наклоны, прыжки. Такую зарядку у нас делают не только школьники, но и взрослые. Даже старики.

— Ну, а если дождь или холодная погода? Как тогда? — спросил Гоша.

— Проще простого! — Бабакин подошел к большому щиту с вмонтированными в него кнопками, рычажками и сигнальными лампочками. Он уверенно включил рубильник и нажал какую-то кнопку. Тотчас над крышей и расположенными на ней спортивными площадками медленно сомкнулся огромный сферический купол. Ярким солнечным светом вспыхнули лампы — маленькие искусственные солнца.

— Крыша над крышей, — сказал Бабакин. — Под такими лучами можно и загорать.

— А если станет слишком жарко? — спросил Ваня.

— Тогда можно уменьшить излучение, освежить и увлажнить воздух, — пояснил Бабакин, передвигая рычажок.

Свет ламп стал не таким ярким, в воздухе повеяло свежестью, распространился приятный запах озона.

— Вот это здорово! — в один голос воскликнули братья Веточкины.

КТО ТАКОЙ БУП?

— Сегодня у нас экскурсия в музей, а вечером — школьная спартакиада. Ты, Ваня, выступишь? — спросил после уроков Бабакин. — Да, чуть не забыл! Нам с тобой поручили с Бупом договориться.

— С каким Бупом? — удивился Ваня.

— Ах да, ты же не знаешь! Ну, пошли. Здесь недалеко. Сам все увидишь.

Мальчики вошли в подъезд особняка, полупрозрачные стены которого как бы светились изнутри. Лифт поднял их на пятый этаж.

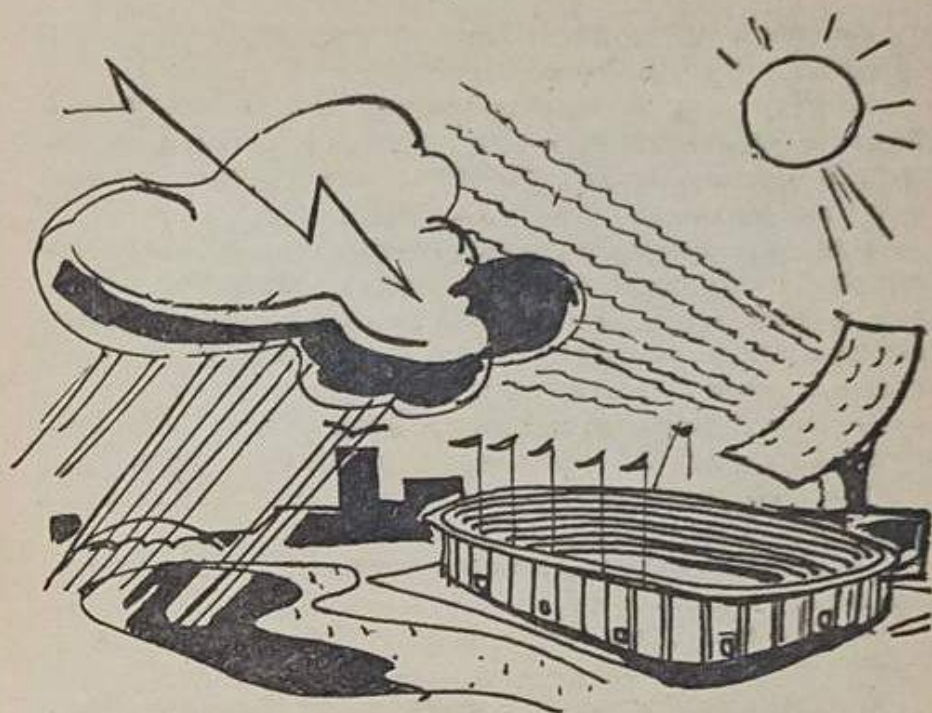
— Входи, — сказал Бабакин, кивая на дверь.

Веточкин-старший приоткрыл дверь, но тут же попятился, чуть не сбив с ног Бабакина.

— Невидимка! Честное пионерское, невидимка! — испуганно прошептал он.

То, что увидел Ваня, и в самом деле было невероятным. По комнате шагал высокий, худощавый человек и что-то диктовал. Но не его испугался он. Ваня мог поклясться, что собственными глазами видел аппарат, похожий на пишущую машинку, которой сам печатал. Щелкали клавиши, двигалась каретка, на бумаге появлялись буквы и строки, а машинистки не было. Право же, это было похоже на то, о чем читал Ваня в фантастическом романе Уэллса «Человек-невидимка».

— Эх ты, «невидимка»! — выслушав сбивчивый рассказ приятеля, засмеялся Бабакин. — Это же

обыкновенная автоматическая машинка! Да еще допотопная! Модель 1980 года. Вот у нас в школе есть машинка! Это да! Не только сама печатает под диктовку, но и мысли записывает. Не успеешь подумать о чем-нибудь, как мысли уже на бумаге...

— Этот высокий и есть товарищ Буп? — перебил его Ваня.

— Товарищ Буп! — захохотал Бабакин, хватаясь за живот. — Да ты знаешь, что такое Буп? Это Бюро управления погодой.

— Что за шум? В чем дело, ребята? — приоткрыв дверь, спросил высокий человек.

— Мы к вам, Виктор Николаевич, — сказал Бабакин.

— Опять футбол? Нет у меня для вас солнышка. Сектор зеленых насаждений и коллектив поливки улиц как раз вчера подали заявки на дождь. Так что, извините, соревнования придется перенести.

— Виктор Николаевич, — заныл Бабакин, —

у нас же спартакиада. Уже афиши вывешены. Из подшефного колхоза гости будут.

— Ну, что с вами поделаешь? — засмеялся Виктор Николаевич. — Но чтобы это было в последний раз. Говорил же вам — надо предупредить заранее.

Виктор Николаевич подошел к видеотелефону и набрал номер. Небольшой экран рядом с аппаратом вспыхнул, на нем появилось изображение смуглолицего человека в тюбетейке. Он поднял от стола голову и сказал в микрофон:

— Я вас слушаю, Виктор Николаевич. Что? Отменить дождь? Об этом не может быть и речи. Мы в этом районе новый парк закладываем. Дождь обязательно нужен.

— А может быть, поможем ребятам? Спартакиада ведь!

— Не могу, не могу!.. Всего хорошего, — экран погас.

Виктор Николаевич положил трубку и задумался.

— Ну, хорошо, ребята, — сказал он, подходя к карте и очерчивая на ней ногтем небольшой квадрат. — Вот ваша школа, а вот стадион. Так и быть, я прикажу дать над стадионом солнце. Только учтите, кругом будет затяжной дождь...

— Спасибо, Виктор Николаевич, — обрадованно воскликнул Бабакин.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ МУЗЕЙ

В школе Бабакина и Веточкина-старшего оставил дежурный с красной повязкой на рукаве.

— Ваши в музей уехали, — сказал он. — А вы где пропадаете? Догоняйте!

Минут через десять приятели входили в старинное здание с огромными колоннами и узенькими, словно бойницы, окнами. У входа висела стеклянная табличка: «Музей старинных вещей и вымерших животных».

В большом сводчатом зале молодой экскурсовод с указкой в руке негромко пояснял:

— В этом зале выставлены вещи, которыми люди пользовались еще сравнительно недавно, лет сто назад. Здесь, — продолжал экскурсовод, — вы можете осмотреть оружие наших предков — винтовку, пистолет, автомат, а также макеты атомных и водородных бомб. Вы можете увидеть их теперь только в музее или на картинках. Вы знаете, с тех пор как все народы установили у себя социалистический строй, прекратились войны, армии были распущены, а все оружие предано уничтожению. Оружие можно увидеть теперь только в музеях. А сейчас перейдем к другому стенду.

Следующий стенд был сделан в виде надгробия. В нише, вырубленной в обелиске из черного мрамора, Ваня увидел запечатанную бутылку с зеленой наклейкой, наполненную прозрачной жидкостью. Рядом лежала раскрытая коробка папирос. На крышке ее был изображен всадник в развевающейся бурке на фоне снежных гор. Под ним была надпись: «Казбек». Как раз эти папиросы любил курить Ванин папа. Между коробкой папирос и бутылкой лежала табличка. На ней был нарисован череп и две скрещенные косточки. Внизу большими буквами было выведено устрашающее слово: «Яд!»

— Эту жидкость, которая называется «водкой», — показал экскурсовод на бутылку, — пили когда-то некоторые из наших предков, когда хотели одурманить себя и погубить свое здоровье. Многие предпочитали медленно убивать себя другим способом. Они вдыхали дым ядовитой травы, известной под названием «табак». Этот стенд — памятник миллионам несчастных, безвременно погибших от вина и курения табака.

Постояв с минуту в глубоком молчании, экскурсанты покинули страшный стенд.

Переводя взгляд с одного экспоната на другой, Ваня вдруг увидел — кого бы вы думали? — Гошу! Веточкин-младший с независимым видом стоял

в толпе ребят и, вытягивая шею, старался рассмотреть какой-то предмет.

— Ты зачем здесь? — прошипел Ваня.

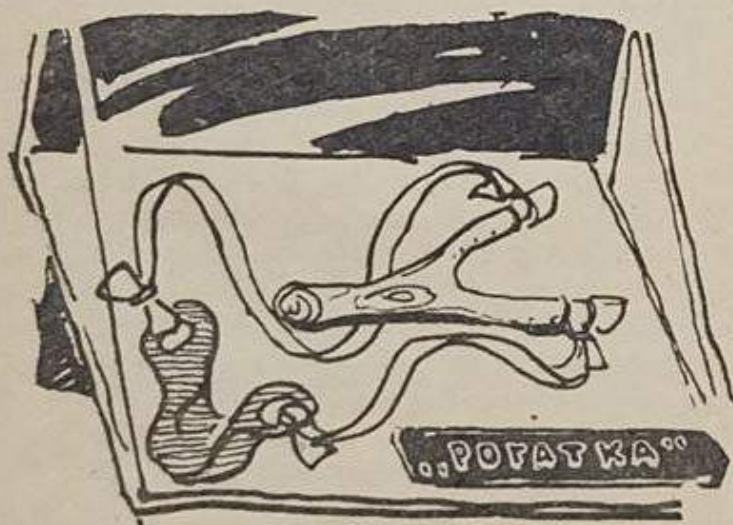
— Тебя искал, — не отрывая глаз от стенда, ответил Гоша. — Сказали, что у вас тут экскурсия. Вот я и решил тебя разыскать.

Проследив за взглядом брата, Ваня увидел лежащую под стеклом на стенде рогатку. Это была самая обыкновенная рогатка, похожая на ту, из которой он вместе с Гошей стрелял по воробьям и, чего греха таить, по чердачным окнам соседского дома. Сначала Ваня даже удивился: почему в музее очутилась рогатка? Он тихонько спросил об этом у Бабакина.

— Видишь ли, — пояснил Бабакин, — нам ведь интересно знать, как развлекались раньше мальчишки. Оказывается, они зачем-то убивали птиц и разбивали в домах стекла. Кто бы мог поверить, что на свете были такие глупые мальчишки! Вот и решили показать в музее в разделе школьной жизни, какими они были отсталыми...

— А это еще зачем? — перебил Ваня, поспешно увлекая Гошу к следующему стенду.

Под стеклом лежала человеческая рука. Она была сделана из папье-маше или из пластмассы и вы-

глядела совсем как настоящая. Ногти на этой руке были грязные, пальцы перепачканы чернилами. А ладонь разрисована какими-то таинственными фиолетовыми знаками.

Гоша сразу догадался, что это были за знаки.

— Ну и шпаргалочка! — восхищенно воскликнул он. — Смотри-ка! Да их вон сколько!

Под стеклом и в самом деле были выставлены школьные шпаргалки двадцатого века. Здесь были и узенькие полоски бумаги — их было удобно прятать в рукава, и промокашки, которые своим видом не могли вызвать подозрения у самого строгого учителя, и даже носовой платок с каемкой, сплошь составленной из формул.

— Вот бы мне такие! — Гоша от восхищения прищелкнул языком.

Ваня хотел что-то сказать, но только сердито дернул брата за рукав.

Экскурсовод пригласил ребят в следующий зал. Здесь он обратил внимание экскурсантов на кости вымерших животных — бивни мамонта, нижнюю челюсть ископаемого носорога и пятое ребро ихтиозавра. Эти животные жили на Земле миллионы лет назад.

Гоша хотел было прикинуть длину пятого ребра ихтиозавра, но экскурсанты прошли в следующий зал, и он поспешил за ними.

— Здесь вы увидите существа, — торжественно произнес экскурсовод, — жившие на нашей планете в сравнительно близкую нам эпоху.

В ярко освещенном зале в банках со спиртом и под стеклом были выставлены страшные насекомые, некогда населявшие пустыню — скорпионы, фаланги, тарантулы. Ваня рассматривал через увеличительное стекло высушенных комаров и мошек, прожорливых, покрытых волосками гусениц непарного шелкопряда, саранчу и кузнечиков.

— Всех этих хищников вы больше не встретите на Земле, — сказал экскурсовод. — Сейчас я вам расскажу, как они были уничтожены. В середине

двадцатого века люди решили избавить нашу страну от малярийных комаров, мошкеры и других вредных насекомых. Первые опыты проделали на Волге. Там начиналось тогда строительство самой большой в то время в мире Куйбышевской гидроэлектростанции. Представьте себе, ребята, по реке быстро мчится катер. А с катера по берегам, заросшим камышом, там, где больше скапливается насекомых, стреляют особые пушки с широкими стволами. Только вместо снарядов они выбрасывают и распыляют ядовитые для насекомых вещества. Проходит несколько минут, и все вредные насекомые мертвы. Люди спокойно могут жить и работать. Позже вредителей стали уничтожать при помощи ультразвука и особых лучей, действующих только на те виды бактерий и насекомых, которые вредят людям, но не причиняют зла полезным тварям, птицам и животным.

«Как хорошо, что все вредители на земле уничтожены! — подумал Ваня. — Теперь, значит, нет деревьев с объеденными листьями, а в садах и на полях не хозяйничают больше прожорливые гусеницы».

— А это что такое? — воскликнул Ваня, отшатнувшись.

Огромными черными шарами на него уставились мертвые глаза какого-то чудовища. Прозрачные крылья прикрывали мохнатое тело с шестью страшными лапами, вооруженными шипами и колючками.

— Это обыкновенная комнатная муха, увеличенная в сто раз, — пояснил экскурсовод. — В прошлые века она была переносчицей многих болезней и виновницей гибели миллионов людей. Но человечество, к счастью, навсегда избавилось и от этого опасного насекомого.

— А зачем сюда попала пчела? — удивился Ваня, рассматривая искусственный цветок клевера с сидящей на нем пчелкой.

— Случилось несчастье, — ответил экскурсо-

вод. — Ученый, которому было поручено уничтожение насекомых, по ошибке включил в генераторе не тот рубильник, какой следовало, и ультралучи оказались смертельными не только для комаров и мошек, но и для пчел. Теперь на главной площади города труженице-пчеле воздвигнут памятник из золота. Но то, что сделано, не поправишь: на земле не осталось ни одной пчелы.

Ване вспомнился душистый сладкий мед, которого лишилось человечество. Он представил себе деревья и цветы, над которыми больше не слышится жужжание пчел, и вздохнул. «Вероятно, — подумал он, — цветочную пыльцу теперь приходится переносить каким-либо другим способом».

— Стойте! — раздался вдруг торжествующий голос Гоши.

Все оглянулись. Гоша извлек из кармана спичечную коробку.

— Жужжит? — нетерпеливо спросил он.

Экскурсанты прикладывали коробочку к уху и передавали ее дальше.

— Жужжит, — отвечали Гоше.

— А что жужжит?

— Сейчас увидите, — Гоша осторожно приоткрыл коробочку, и все увидели пчелу. Настоящую живую пчелу.

— Откуда она у тебя? — взволнованно спросил экскурсовод.

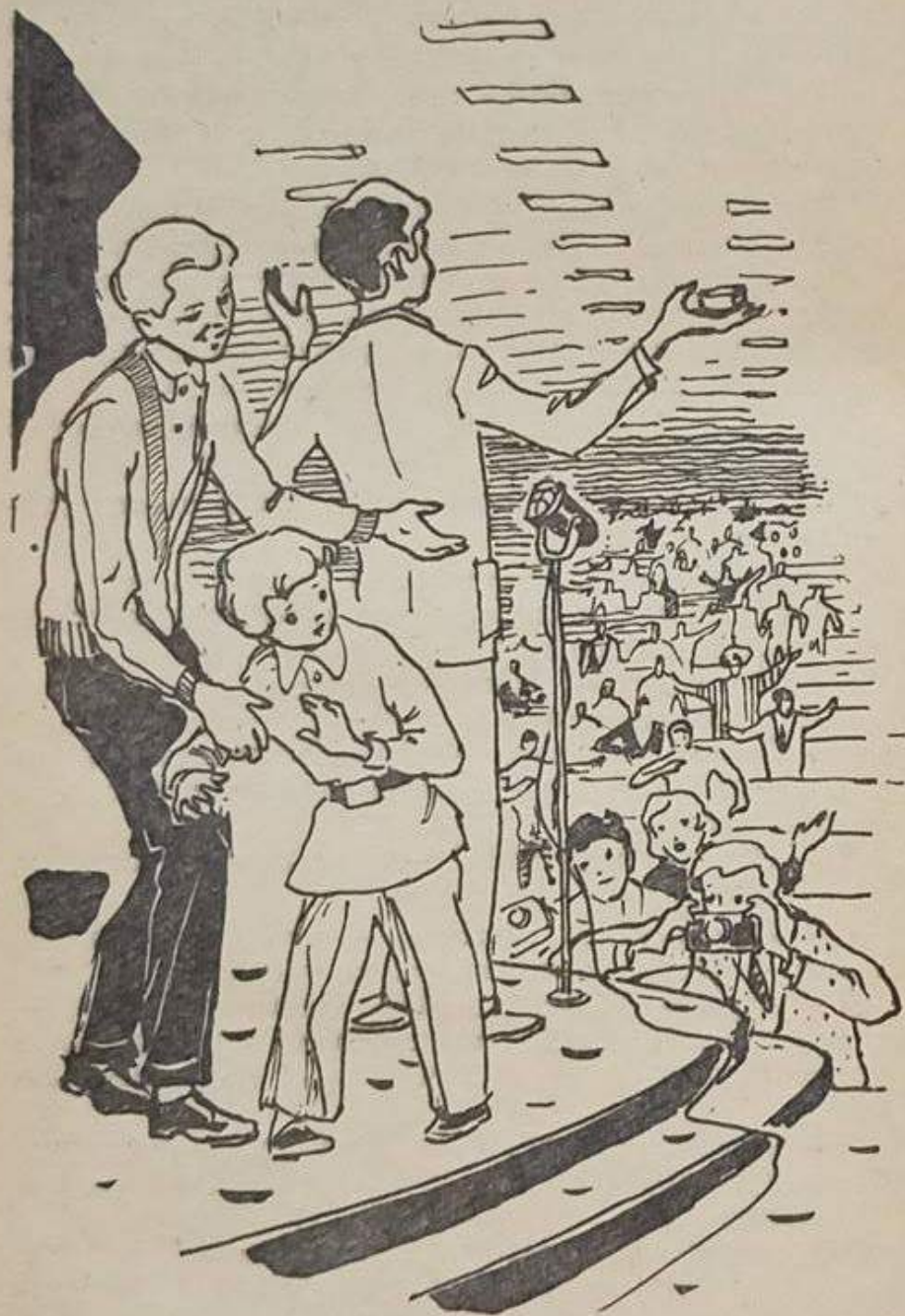
— Я ее выменял на жука, — с гордостью сказал Гоша. — Осторожно, как бы не улетела!

— Ах, если бы у вас было несколько пчел, — с сожалением сказал экскурсовод, заглядывая в коробочку. — А еще лучше — пчелиные личинки.

— Сколько угодно! — и Гоша достал из кармана другую коробочку. — Я как раз собирался разводить пчел.

Экскурсовод бросился к телефону. Через несколько минут тихие залы музея стали похожи на перрон вокзала перед приходом поезда со знат-

ными гостями. Здесь толпились журналисты, фоторепортеры, радиокомментаторы. Они плотным кольцом окружили Гошу. Кто-то задавал ему вопросы. Кто-то совал под нос микрофон. Кто-то тащил к телевизионной камере.

Из Академии наук прислали специальный вертолет. Ученые ждали Гошу у себя, в Большом конференц-зале Академии наук. Молодой ученый, прибывший в музей, с любопытством разглядывал Гошу.

— Мой юный друг, скажите, где вы нашли это сокровище? — спросил он.

— Я уже говорил, — сказал Веточкин-младший, — выменял. Выменял на жука...

— Ничего не понимаю, — потер лоб ученый.

— Сейчас поймете, — вмешался в разговор Бабакин. — Дело в том, что этот мальчик из прошлого.

— Как из прошлого? — удивился ученый.

— Не может быть! Как это так? — удивились окружающие.

— Очень просто. Он прилетел к нам из середины двадцатого века, — важно пояснил Бабакин и рассказал все, что узнал от Веточкина-старшего.

Ученый снова потер лоб и произнес:

— С точки зрения науки это невозможно.

— И я так думаю, — простодушно заметил Гоша. — С точки зрения науки это невозможно! — и лукаво подмигнул. — И все-таки пчела жужжит.

— Как бы то ни было, мы все очень благодарны вам, мальчик, — торжественно произнес ученый. — Человечество не забудет услуги, которую вы ему оказали. В награду просите все, что вам угодно. Любая ваша просьба будет исполнена.

Гоша задумался. Вдруг лицо его расплылось в улыбке.

— Две порции сливочного мороженого. Для меня и для Вани. И два стакана воды с сиропом, — сказал он и неуверенно добавил: — Если можно...

В КОНДИТЕРСКОМ МАГАЗИНЕ

Торжественные приемы, расспросы и приветствия утомили Гошу. Поэтому он очень обрадовался, когда ему удалось снова разыскать Ваню и Бабакина. Мальчики решили побродить по городу.

— У меня есть рубль, — сказал Гоша, — мне мама на завтраки дала. Давайте покатаемся на метро.

— А что такое рубль? — спросил Бабакин.

— Вот чудак! — удивился Гоша. — Рубль это и есть... рубль.

— Это деньги, — объяснил Ваня. — Понимаешь? Деньги! На них можно купить все, что захочешь.

— А что такое «купить»? — спросил Бабакин.

— Ну, предположим, ты приходишь в магазин, — начал объяснять Гоша, — вынимаешь из кармана вот эту бумажку и говоришь продавщице: «Тетя, свешайте мне, пожалуйста, полкилограмма монпансье...»

— Покажи-ка, — заинтересовался Бабакин, рассматривая рубль. — А зачем его в магазине показывать, этот... рубль?

— Его не показывают, — ответил Ваня. — А платят в кассу.

— А что такое касса?

— Вот непонятливый какой! — нетерпеливо пожал плечами Гоша. — За эту бумажку, одним словом, тебе дадут конфет.

— За бумажку конфет? — засмеялся Бабакин. — Да ты что?.. Зайди в любой магазин, и тебе безо всякой бумажки их дадут...

— Ну, это ты брось! — недоверчиво усмехнулся Веточкин-старший. — А если я захочу бесплатно десять плиток шоколада?

— Ну и что ж такого? Если тебе надо, бери, пожалуйста.

— А если сто плиток?

— Бери хоть двести! Только зачем тебе столько? Разве ты съешь их все сразу?

— Мне-то, положим, не надо. Я и не возьму. А другой от жадности все загребет. И скажет еще — мало.

— Ну что ты! — усмехнулся Бабакин. — За чем же брать, если не надо?

— Мало ли какие люди есть на свете...

— Эгоисты, несознательные, — поддержал Гоша. — До чего я не люблю жадных!

— Что вы, ребята, — засмеялся Бабакин. — У нас теперь таких и нет. Раньше, может, и были, а теперь вывелись. Ну так же, как клопы, мыши, суслики, тараканы. Вы же сами знаете, в какое время живем. Каждый трудится, сколько может, и получает все, что ему надо. Но лишнего никто не берет. Понятно?

— Понятно, — заторопился Гоша. — Только... хорошо бы нам в магазин зайти... В кондитерский. Посмотреть, как там...

— Давайте, — согласился Бабакин. — Он здесь рядом.

В кондитерском магазине глаза у Веточкиных разбежались. Чего только здесь не было! На длинных, открытых прилавках лежали груды орехов и конфет в красивых обертках. В огромных стеклянных вазах были расставлены торты и пирожные. На полках возвышались пирамиды из банок со всевозможным вареньем — клубничным, яблочным, абрикосовым и даже вишневым, которое так любил Гоша.

Прохожие заходили в магазин, и каждый брал то, что ему нужно. Ни продавцов, ни кассиров в магазине не было. И только вдоль прилавков прохаживался человек в белом халате с повязкой на рукаве.

— Общественный дежурный, — пояснил Бабакин. — Он следит за тем, чтобы на полках было все необходимое. Если что-либо разберут, он звонит, чтобы доставили. Ну, что вы хотите? Берите, ребята, не стесняйтесь!

Бабакин выбрал миндальное пирожное. Ваня робко взял конфетку. Гоша бросился к прилавку,

схватил сразу три пирожных с кремом и две банки вишневого варенья.

— Ты что! — дернул брата за штаны Веточкин-старший. — Не жадничай! Завтра еще придем.

— Лучше яйцо сегодня, чем курица завтра, — ответил Гоша, невозмутимо запихивая в рот пирожное.

Когда с пирожными было покончено, Гоша принялся за конфеты. Сначала он ел их все подряд. Затем стал выбирать только шоколадные. Конфеты он закусывал халвой, халву изюмом. Затем снова принимался за конфеты. Ваня несколько раз толкал брата в бок, а однажды больно ущипнул Гошу. Но тот, увлеченный пиршеством, отмахивался от брата, словно от надоедливой мухи.

Вдруг глаза у Гоши помутнели, лицо стало зеленоватым и перекошилось.

— Что с тобой? — испуганно спросил Веточкин-старший, взглянув на брата. — Ты заболел?

— Ну ясно, объелся! — определил Бабакин. — Идемте скорее, здесь недалеко в медпункте дежурит врач-гигиенист. — И, подхватив Гошу под руку, он потащил его к выходу.

Врач налил в ложку касторки. Гоша поморщился и выпил.

— Хватит, — сказал он. — Кажется, мне стало лучше.

— Нет, пей! — угрожающе произнес Ваня. — Еще пей! Всю бутылку выпей! Это же бесплатно, эгоист несчастный!

С досады он даже плюнул Гоше под ноги. Веточкин-младший поморгал и виновато протянул:

— Вань, а Вань, ну хочешь, я отнесу конфеты обратно? И варенье отнесу. Я его даже не успел попробовать.

— Ну ладно, — смягчился Ваня, — но чтобы этого больше не было!..

— Честное пионерское! — обрадовался Гоша.

— Нет, ты нам скажи, будешь ли жадничать?

— Ну, не буду жадничать. Не буду обжорой и эгоистом!

— А теперь давай обратно в кондитерскую! — скомандовал Ваня.

Вернувшись в магазин, Гоша поставил на полку банки с вареньем, выложил из карманов конфеты и, вздохнув, сказал:

— Вань, а Вань, а если я одну шоколадку оставлю?

— Можно, — милостиво кивнул Веточкин-старший.

— Ну, теперь пойдемте в технический магазин, — предложил Бабакин.

— Опять в магазин? Зачем? — поморщился Ваня.

— Чудак! У вас ведь нет видеофона?

— Это еще что за штука?

— Пойдем, увидишь.

В техническом магазине повсюду стояли радиоприемники, телевизоры и какие-то аппараты. Бабакин уверенно подошел к витрине и взял два небольших аппарата, похожих на фотокамеры, только вместо стекол объектива у них были матовые оконца экранов. Один аппаратик он протянул Ване, другой — Гоше.

— Вот вам видеофоны.

— А зачем они? — в один голос спросили Веточкины.

— Предположим, мой друг находится где-то очень далеко, и мне надо немедленно с ним поговорить. Я настраиваю видеофон на его позывную волну, и на экране появляется мой друг. Я разговариваю с ним. При этом расстояние не имеет значения.

— Полезная штука, — сказал практичный Гоша.

— Подожди. Это еще не все. Предположим, я путешествую по Австралии или в ракетном космическом поезде мчусь на Марс, а в Москве, на Центральном стадионе имени Ленина в это время играют в футбол. Выступает моя любимая команда «Спартак». Я хочу видеть игру. Что я делаю?

— Очень просто, — пояснил Гоша, — ты включаешь видеофон, настраиваешься на волну стадиона и болеешь себе на здоровье за свой «Спартак».

— Верно! — кивнул Бабакин.

О ТОМ, КАК ВАНЯ И ГОША САЖАЛИ ДЕРЕВЬЯ

— А теперь куда? — рассеянно спросил Ваня. — На стадион?

— На стадион рано, — покачал головой Бабакин, вытаскивая из кармана газету. — Посмотри-ка объявления. Читай по порядку.

— «Требуется подметальщики улиц, — начал Веточкин-старший, — с высшим техническим образованием, знакомые с автоматическими подметальными машинами и электронными пылеуловителями...»

— Не там! — перебил Бабакин. — Про кино и концерты в конце.

— «В актовом зале Верхоянского института растениеводства, — стал читать Ваня, — состоится защита докторской диссертации В. П. Степановым на тему «Выращивание ананасов на больших площадях в условиях Заполярья».

— Дай-ка я! — воскликнул Гоша, выхватывая газету. — «Сегодня в шесть часов вечера состоится товарищеский шахматный матч между электронно-счетными машинами систем Казарьяна и Поступальского...» «Утеряна шпаргалка середины двадцатого века. Нашедшего этот редкий документ просим вернуть в Музей старинных вещей и вымерших животных...» «Геологическому межпланетному управлению требуется опытный специалист по разработке полезных ископаемых на Луне и на Марсе...» «Отдел туризма объявляет запись на путешествие по новому маршруту Земля—Юпитер...» «Вопиющая бесхозяйственность! Во дворе 335-й школы лежит без присмотра ценная аппаратура — учебный атомный реактор и оборудование школьного автоматического цеха по производству синтетических тканей. Стыд и позор, тов. Никодимов!» «Центральное бюро управления погодой сообщает: завтра на юге и юго-востоке Африканского материка, а также в Средней Азии по просьбе хлопкоробов будет дан грибной дождь. Солнечная и сухая погода по заявке Управления сельского хозяйства устанавливается в северо-западных областях Советского Союза, а также в районе Арктики, где успешно продолжается уборка урожая. На Марсе, в районе научного городка, переменная облачность, ветер слабый, до умеренного. Утром запланирована температура десять градусов тепла...» — залпом читал Гоша.

— Хватит! — воскликнул Бабакин. — Всех объявлений до вечера не перечитаешь! Поработаем и пойдем в кинотеатр повторного фильма. Там показывают «Чапаева». Это мой любимый фильм. А может, вы хотите пойти в городок искусств? На концерт молодых исполнителей? Хотя на концерт мы еще успеем. А теперь — за работу!

— За какую работу? — удивился Гоша.

— Обыкновенную! Взрослые работают четыре часа в день, а школьники — два. Вот смотри — мозоли! — с гордостью показал Бабакин свои ладони.

— Нашел чем удивить! — пожал плечами Гоша. — У меня у самого мозоли...

— На языке, — поддел Ваня брата и повернулся к Бабакину. — Где же вы работаете?

— На заводах, в лабораториях, в сельском хозяйстве. Где кому нравится. Сегодня у нас в районе закладывают новый сад. Давайте поможем сажать деревья.

— Это я могу! — оживился Ваня. — У нас в кружке юннатов я сажал яблони, сливы, черную смородину.

— И я могу, — нерешительно вставил Гоша.

— Ты? — насмешливо уставился на брата Ваня. — Портить деревья ты умеешь...

— Подумаешь! Один только прутик и сломал...

— Будет вам, — остановил Бабакин.

На участке, отведенном под сад, работа кипела вовсю. Трудились и взрослые и ребята. Одни подносили саженцы, другие сажали их. То там, то здесь раздавались веселый смех, шутки. Чувствовалось, что все работают с удовольствием.

— А я-то думал, что у вас все делают машины, — разочарованно протянул Гоша. — И землю копают, и деревья сажают, и дорожки подметают.

— А то как же! — подтвердил Бабакин. — Знаешь, сколько деревьев посадили с помощью машин? Представьте себе, идет по степи лесопосадочный комбайн, а за ним остается сад. Деревья как из-под земли появляются. А комбайн знай себе ползет и ползет. Копнет ковшом — ямка. Дозатор подсыпает удобрение, механическая рука в ямку деревцо поставит, механические лопатки дерево землей прикопают. А машинист только знай управляет комбайном.

— Ну, а здесь почему без машин? — недоумевал Гоша.

— Вот чудак! — засмеялся Бабакин. — Разве человек может без физической работы? Тогда у людей не мускулы, а вата будет!

— Не будешь работать, у тебя руки отомрут... — засмеялся Ваня.

— Конечно, — подтвердил Бабакин. — Для того чтобы всегда быть сильным и здоровым, каждый человек у нас занимается физическим трудом и спортом. А теперь возьмем-ка и мы лопаты в руки.

Ваня, как заправский землекоп, поплевал на ладони и принялся копать ямку. Дело у него спорилось. Недаром он любил работать на пришкольном участке.

Гоша тоже поплевал на ладони, крикнул и копнул землю. Лопата вывернулась у него из рук и больно ударила по ноге. Гоша рассердился и отбросил лопату в сторону. «Нет, — подумал он, — лучше бы это дело поручали машинам. Такая работа не по мне. Буду подносить саженцы».

Но и на подноске у него не ладилось. Гоша всем мешал, путался под ногами и даже, неосторожно наступив на молодую яблоню, чуть не сломал ее.

— Эй, работничек! — насмешливо обратился к нему белобрысый паренек. — Ты всегда такой нескладный?

— Отстань! — буркнул Гоша, а сам подумал: «И отчего это у меня не получается?»

И Гоше захотелось показать этим веселым трудолюбивым людям третьего тысячелетия, что и он, Гоша, не лентяй, что и он умеет приносить людям пользу.

На глаза Гоше попалась гладкая доска. Порывшись в кармане, он извлек огрызок химического карандаша, послунил его и большими неровными буквами вывел: «Ломать деревья, рвать цветы и топтать газоны воспрещается».

Полюбовавшись надписью, он добавил: «За нарушение штраф!»

Привязав доску веревочкой, оказавшейся у него в кармане, к дереву, Гоша отошел в сторону, чтобы издали полюбоваться на свою работу. Буквы почему-то разбегались в разные стороны, как стадо испуганных овец. Кроме того, ему показалось, что

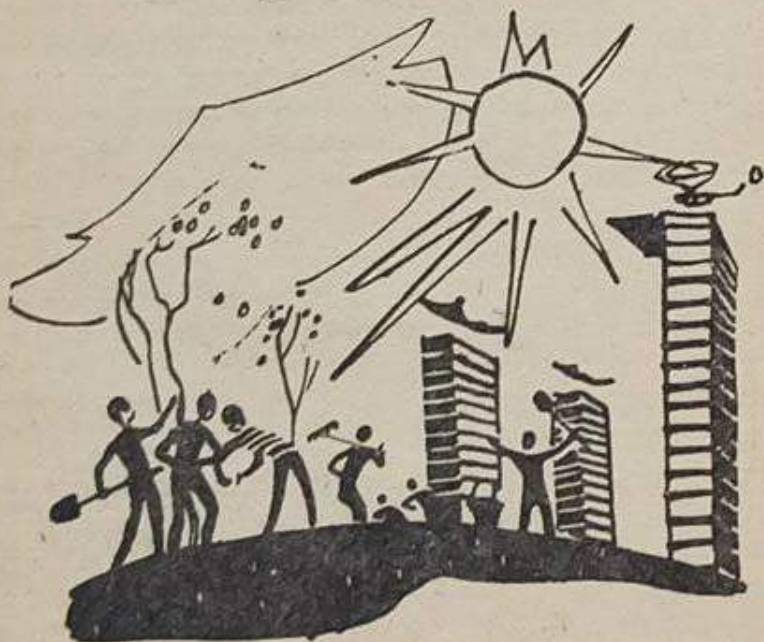

в слове «штраф» он допустил ошибку. Он перечеркнул букву «ф» и над ней написал «в».

«Теперь все в порядке», — решил Гоша и самодовольно усмехнулся, увидев, что стоявшие поблизости заинтересовались его объявлением. И вдруг все начали смеяться. Сначала засмеялся белобрысый паренек. Он дважды прочитал вслух надпись и захохотал так, будто его пощекотали под мышкой. За ним начали смеяться остальные. Гоша ничего не понимал.

— Очень даже глупо смеяться без причины! — рассердился он.

— Без причины? — вытирая слезы, проговорил какой-то мужчина в соломенной шляпе. — Ты только подумай, мальчик, что ты написал? Посуди сам. Какой человек, если он только не лишился ума, будет ломать деревья, рвать цветы и топтать газоны. Только умалишенный человек может уничтожить растения, которые очищают воздух, дают людям пищу и украшают землю. Когда-то в старину жил один человек. Он совершил преступле-

ние — вырубил сад. Преступление было так велико, что того человека поселили на пустынном острове и он должен был жить там до тех пор, пока не вырастит такой же сад, какой уничтожил.

«Нет, кажется, это не я, — с облегчением вздохнул Гоша. — Во-первых, меня никто не поселял на пустынном острове. Во-вторых, я не такой круглый дурак, каким был этот несчастный... Но... все, что произошло с ним, вполне могло случиться и со мной».

— Теперь ты понимаешь, почему то, что ты написал, может вызвать только смех. И потом не объяснишь ли ты, что такое «штраф»?

— Ну, это вроде страх, — пояснил Гоша. — Предположим, застучает тебя в трамвае контролер, когда ты едешь зайцем, или кто-нибудь бумажку от конфеты на тротуар бросит... Тогда берут штраф.

— Ты что-то опять путаешь, мальчик! — засмеялся мужчина. — Как же это можно превратиться в зайца и ехать в каком-то трамвае? А что это за странное слово «застучает»? И зачем бросать на тротуар бумажки от конфет, когда для этого поставлены урны? А что такое «штраф», ты так и не объяснил. Может быть, это слово встретится где-нибудь в словаре?

— Сейчас я принесу старинный словарь, — отозвался белобрысый паренек. — Я живу здесь, рядом.

Через несколько минут паренек принес толстую книгу в темно-синем коленкоровом переплете и принялся листать ее.

— «Штаб... штандарт... штаны... штопор... шторм...» Вот нашел... «штраф»... Немецкое слово. означает кару, взыскание, наказание за какую-либо вину или проступок.

— Ну, теперь понятно, почему мы не знаем этого слова, — засмеялся мужчина в соломенной шляпе. — Оно ушло из нашей жизни так же, как и многие другие устаревшие слова, распространенные у людей второго тысячелетия.

— Эх ты! — сказал брату Ваня. — Опять впросак попал.

— Кто? Я? — возмутился Гоша, не любивший признавать свои ошибки. — А я, что ли, виноват, если они забывают слова, которые у нас каждый ребенок знал!

— Нет, в этом ты не виноват, — засмеялся Ваня.

— Знаешь что?.. — вспыхнул Гоша. — Впрочем, что с тобой говорить!.. — и, схватив лопату, он принялся торопливо копать землю...

ВЕТОЧКИНЫ В ГОРОДКЕ ИСКУССТВ

Если бы вы спросили у Вани и Гоши Веточкиных, любят ли они музыку, то, вероятно, оба в один голос ответили бы:

— Еще как!

А Гоша обязательно прищелкнул бы языком и восторженно добавил:

— Музыка — это вещь!

Но музыку братья любили по-разному. Ване нравились произведения серьезные — Чайковского, Грига, Моцарта. Веточкин-старший и сам учился играть на скрипке.

Гоша, услышав серьезную музыку по радио, пожимая плечами, говорил: «Завели симфонию! Сыграли бы что-нибудь веселенькое. На саксофоне». Он не захотел учиться музыке, но очень любил эстрадные концерты.

На почве столь различного отношения к искусству у братьев не раз происходили раздоры, а иногда дело доходило даже до потасовки. Это обычно бывало тогда, когда по радио передавались концерты сразу по двум программам. По одной программе передавалась классическая музыка, по другой — легкая.

Обычно после короткой схватки Гоша, изловчившись, выключал приемник и торжествующе восклицал:

— Ни тебе, ни мне!

На это Ваня осуждающе произносил:

— Эгоист несчастный.

— Ну и пусть эгоист! — кричал Гоша. — Эгоист не я! Эгоист тот, кто о себе заботится больше, чем обо мне!

Заканчивалось тем, что братья, позабыв о музыке, отправлялись вместе на стадион. Между братьями устанавливалось согласие. Оба они болели за команду «Спартак» и в один голос кричали то, что обычно кричат болельщики на всех стадионах мира:

— Давай, давай!

— Мазила!

— Судью с поля!

Но сегодня, когда Бабакин предложил пойти в городок искусств на концерт молодых исполнителей, вопрос о том, какую музыку слушать — легкую или серьезную, не вызвал у Веточкиных споров. Они просто не представляли себе музыку третьего тысячелетия.

А вот и городок искусств. Еще издали Веточкины слышали мелодичные звуки, доносившиеся с открытой эстрады.

— Как ты думаешь, на каких инструментах играют? — спросил брата Ваня.

— Ясно, на каких! — с видом знатока ответил Гоша. — На саксофонах, барабанах...

— Только не на барабанах, — покачал головой Ваня. — Я слышу гобой, флейту и, пожалуй, контрабас.

— Нет, барабаны! — настаивал Гоша.

— Ну, чего вы спорите? — засмеялся Бабакин. — Подойдем поближе, все выясним.

Через несколько минут мальчики подошли к полукруглой эстраде. Перед эстрадой в удобных креслах сидели люди и наслаждались музыкой.

Но что это? В руках у музыкантов нет никаких инструментов — ни гобоев, ни флейт, ни саксофонов, ни барабанов! Музыканты в белоснежных костюмах проделывают в воздухе какие-то

странные движения руками. То замедленно-плавные, то быстрые и порывистые. Сначала Веточкиным показалось, что это вовсе и не музыканты, а люди, делающие утреннюю зарядку. Но откуда же звучит музыка? Мелодия то замирает, то вновь вспыхивает в такт их движениям, словно пламя костра. Казалось, мелодия возникала прямо из воздуха. Ване чудился в ней плеск морской волны, шелест листьев, легкое дуновение ветерка. Гоше слышались рев бури, яростный свист ветра и грозный шум морского прибоя.

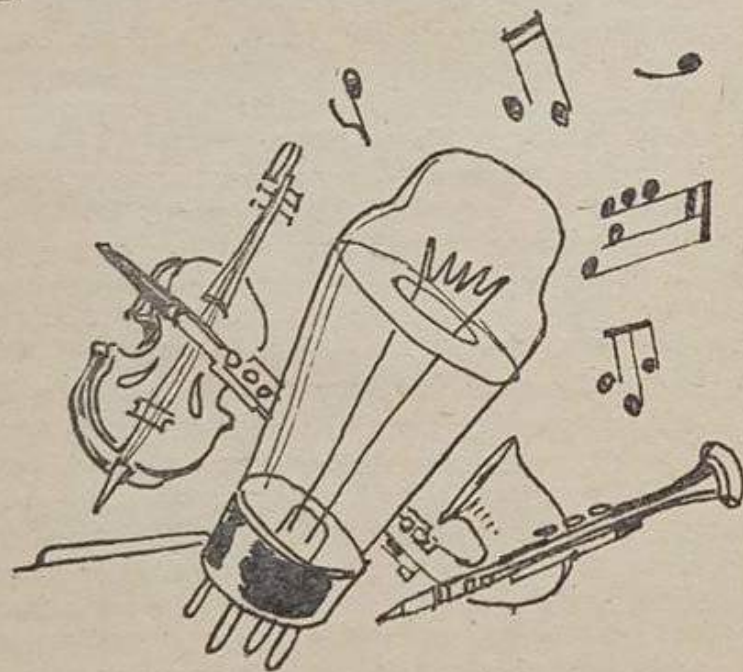
Но вот музыка стихла, музыканты раскланялись и ушли с эстрады.

Гоша тотчас взобрался на эстраду, чтобы выяснить в конце концов, что это за удивительный оркестр? Вдруг лицо его расплылось в улыбке.

— А я знаю, в чем дело! — крикнул он брату. — Инструменты за кулисами! Там множество проводов и светятся какие-то лампочки.

Ваня тоже поднялся на эстраду.

— Вижу, что лампочки. Но при чем здесь музыка?

— Может, Бабакин знает.

— Видите ли, — пояснил Бабакин, — все дело в электронике. Этот инструмент преобразовывает световые лучи в потоки электрических частиц. А электричество превращается в звуковые волны.

— А зачем музыканты размахивали руками? — спросил Гоша.

— Они играли на световых лучах так же, как раньше играли на клавишах рояля, — пояснил Бабакин.

— Хорошо играли, — одобрил Гоша. — Вот что значит знаменитые музыканты.

В это время оркестр вновь вышел на эстраду.

— Они действительно знаменитые, — подтвердил Бабакин. — Вон тот справа — знаменитый сталевар. Он работает на атомных печах. Рядом — известный врач-гигиенист, а тот, высокий — изобретатель. Слева от него — лучший сборщик домов.

— Значит, это самодеятельный оркестр? — догадался Ваня. — А настоящие, профессиональные музыканты у вас есть?

— Что значит настоящие? — не понял Бабакин. — У нас все настоящие! Вот и они..

— Я о тех, которые занимаются только музыкой.

— Видишь ли, музыка доставляет людям много радости, — задумчиво сказал Бабакин. — Она полезна обществу. Поэтому, если, например, у тебя открылись способности, тебя пошлют в консерваторию и через несколько лет ты станешь хорошим музыкантом. Но ты должен стать отличным музыкантом. А для этого надо все время совершенствовать свое искусство. Все, что тебе понадобится, ты получишь от общества. Только играй, пожалуйста!

— Понятно, — сказал Ваня. — Значит, и в третьем тысячелетии музыка остается профессией?

— Конечно, — кивнул Бабакин. — Так же, как работа архитектора, химика, врача, металлурга... У нас много хороших музыкантов. Некоторых зна-

ет весь мир. И в самодеятельных оркестрах немало талантливых музыкантов.

— Они, что же, самоучки? — заинтересовался Гоша.

— Нет! Они тоже учились. В музыкальных школах. Для того чтобы выработать достаточно еды, одежды, произвести необходимые машины, достаточно, чтобы каждый взрослый работал четыре часа в день. Остальное время можно учиться, заниматься музыкой, рисованием, спортом. К ста двадцати годам, знаешь, каким артистом своего дела можно стать!

— К ста двадцати? — думая, что ослышался, переспросил Гоша.

— Это не так уж много. Человек и до двухсот живет.

— Разве может человек жить двести лет? — удивился Ваня.

— Так живут же. Но ученые хотят, чтобы люди жили еще дольше. Теперь, когда на Земле уничтожены все болезни, это вполне возможно.

— Что толку жить стариком! — воскликнул Ваня. — В старости человек становится слабым и дряхлым.

— Слабых и дряхлых людей у нас нет. И чем больше человеку лет, тем он полезнее для общества, — пояснил Бабакин. — Пожилые люди больше других знают и умеют. Представляешь, какой у них большой опыт!

Мальчики подошли к спортивной площадке.

— Посмотрите-ка на этих людей, — Бабакин указал на молодых загорелых мужчин и женщин, игравших в волейбол. — Как думаете, сколько им лет?

— Двадцать! А может быть, двадцать пять, — неуверенно предположил Гоша.

— Не угадал, — засмеялся Бабакин. — Это команды пожилых. Среди этих игроков вы не найдете людей, которым было бы меньше ста лет.

— Не может быть! — воскликнул Веточкин-младший.

— Не веришь? Спроси у них сам.

Как раз в эту минуту судья дал свисток, и спортсмены, оживленно обмениваясь мнениями, покинули площадку.

— Дяденька, — обратился к одному из игроков Гоша, — можно у вас спросить?..

— Пожалуйста, — приветливо кивнул тот.

— Скажите, правда, что вам уже сто лет?

— Не совсем, мальчик, — улыбнулся спортсмен, натягивая майку на смуглое мускулистое тело. — Вчера мне исполнилось сто двадцать.

— А выглядите вы моложе, — удивился Гоша.

— Это приятно слышать, — засмеялся спортсмен.

— Скажите, а сколько лет вон тому черноволосому, с усами?

— Нашему капитану? Скоро будет сто семьдесят. Но он у нас еще молодцом.

— Подумать только, сто семьдесят лет, а такой молодой!

— Ничего удивительного, — засмеялся спортсмен. — Спорт — лучшее средство от старости. Понял?

— Кажется, понял, — неуверенно подтвердил Гоша.

О ТОМ, КАК ВАНЯ СТАЛ РЕКОРДСМЕНОМ

По улицам и площадям хлестал веселый косой дождь. А над школьным стадионом сияло голубое небо. Можно было подумать, что какой-то добрый великан волшебным топором прорубил в тучах окно.

Ваня и Гоша порядком промокли, пока добежали до стадиона. Дежурный с голубой повязкой на рукаве преградил дорогу Ване, но зато Гоше он сказал с ласковой улыбкой:

— А вы, Гоша, проходите. На трибуне почетных гостей для вас приготовлено место.

— Пропустите, он со мной, — небрежно бросил Гоша, кивнув в сторону брата.

На стадионе Гошу сразу же обступили любители автографов. Они протягивали ему блокноты, альбомы, показывали газеты с его улыбающимся портретом. Только тут Ваня понял, как знаменит Гоша. «И все из-за какой-то пчелы!» — думал он, глядя, как, высунув от усердия кончик языка, Гоша выводит в альбоме: «Гоша Веточкин ученик четвертого класса «А». Кто-то вежливо заметил, что слово «ученик» пишется через «е», и, видимо, поэтому Гоша в дальнейшем просто писал: «Гоша Веточкин».

По радио объявили о начале соревнований, и Гоша занял место на трибуне для почетных гостей, а Ваня вышел на беговую дорожку. Лучшие физкультурники школы готовились взять старт. Откровенно говоря, Веточкин-старший призов и грамот никогда не получал и от уроков физкультуры частенько увиливал. Но Гоша все же уговорил брата участвовать в беге.

— Ты должен поддержать спортивную честь людей двадцатого века. Ты обязательно должен прийти к финишу первым, — сказал он торжественно.

— Но я не умею бегать!

— Беги изо всех сил!

— Куда уж мне! — безнадежно махнул рукой Ваня, но Гошу все же послушался и встал на стартовую линию. Грянул выстрел, и бегуны ринулись. Веточкин сразу же отстал. Он бежал тяжело и неуклюже, по-утиному переваливаясь из стороны в сторону. Кто-то из зрителей насмешливо закричал, указывая на Ваню:

— Рожденный ползать летать не может!

Еще немного, и, казалось, Веточкин упадет. Он бежал, ссутулившись и судорожно размахивая руками. Он отстал от своих соперников почти на целый круг. Зрители смеялись и что-то выкрикивали. Кто-то, вероятно, хотел подбодрить Ваню и хлопал в ладоши.

И вдруг в ту самую минуту, когда зрителям казалось, что Веточкин-старший вот-вот упадет от

усталости, произошло чудо. Неожиданно Ваня почувствовал, что тело его стало легким, невесомым, и он помчался, почти не касаясь шиповками дорожки. Он бежал так быстро, что все знаменитые стайеры и спринтеры побледнели бы от зависти. Ваня сократил разрыв, а затем одного за другим обошел всех соперников. Даже чемпион города длинноногий Костя Лукин остался где-то далеко позади. Вот и финиш! Вспыхнуло световое табло. На нем появились цифры. Все так и ахнули: новый мировой рекорд!

Ваню окружили репортеры, посыпались вопросы:

— Скажите, пожалуйста, кто ваш тренер?

— Как вы готовились к побитию мирового рекорда?

— Я и сам не знаю, — растерянно пробормотал Ваня.

— Не скромничайте, — сказал кто-то из публики. — У вас настоящий талант! Вы — новая звезда на спортивном горизонте!

— Знаете что, лиха беда — начало, — в отчаянии махнул рукой Веточкин-старший. — А что, если я попробую толкнуть ядро?

Ваня поднял тяжелый блестящий шар и каким-то неуклюжим движением бросил его. Прочертив длинную дугу, ядро шлепнулось далеко за флажком мирового рекорда.

— А теперь, — сказал Ваня, прибодрившись, — я попробую прыгнуть в высоту.

Судьи посоветовались и установили планку на высоте 1 метра 80 сантиметров.

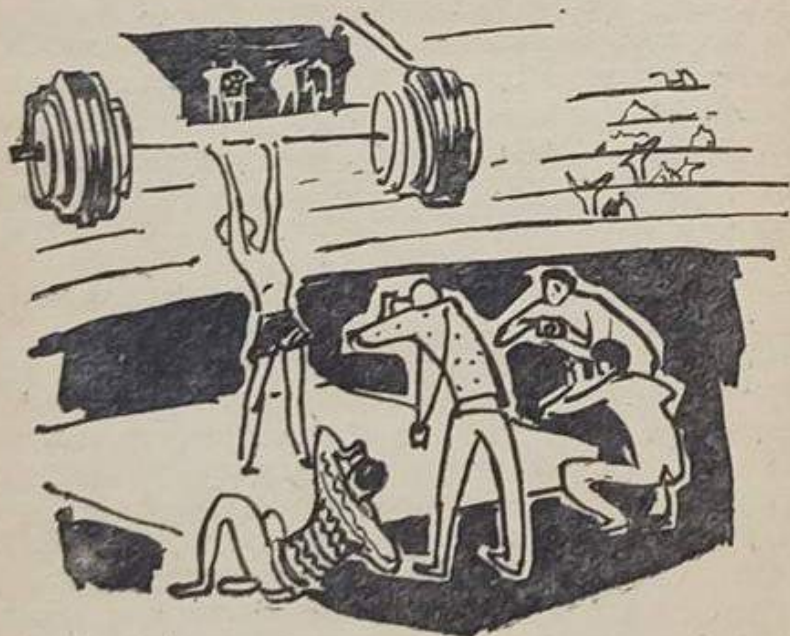
Разбежавшись, Ваня легко перепрыгнул через планку. Он попросил поставить планку на два метра, затем на два с половиной, наконец, на три метра и так же легко, хотя и неуклюже, взял высоту. Даже старые, много повидавшие на своем веку спортивные судьи от изумления открыли рты.

Весть о новом чемпионе, который шутя расправляется с мировыми рекордами, мгновенно распространилась по городу. К стадиону подъезжали

вереницы автомобилей, тянулись толпы пешеходов. Болельщики осаждали ворота стадиона. Многие прилетели на вертолетах. Легкие, похожие на стрекоз машины неподвижно висели над зеленым полем стадиона. Все взоры были обращены на Веточкина-старшего. А он, войдя в азарт, выступал подряд во всех видах соревнований. Победы его были невероятны. Он, словно птица, пронесся над барьерами, совершил чудовищный прыжок в длину, которому могли бы позавидовать кенгуру, шутя с одного конца стадиона на другой метнул диск. Он попросил принести штангу. Несколько дюжих спортсменов вынесли на стадион тяжелый снаряд. Ваня приподнял его и величественным жестом потребовал прибавить вес. На штангу надели все металлические блины, которые нашлись на стадионе. Он поднял этот чудовищный груз над головой и, улыбаясь, стоял так до тех пор, пока кинооператоры снимали его.

Зрители, спортсмены, судьи были ошеломлены и растеряны.

— Столько мировых рекордов сразу! — вытирая лицо платком, говорил какой-то мужчина, сидевший в первом ряду. — Нет, это невероятно!

— Сейчас все может быть, — возразил худощавый брюнет, нервно теребя густую шевелюру. — В наш век атомной энергии и космических полетов удивляться ничему не следует.

— Может быть, это все-таки произошло случайно? — не сдавался мужчина.

Но тут вмешался юноша в синем тренировочном костюме. Он окинул мужчину взглядом, полным презрения.

— Запомните, гражданин, — произнес он, — в спорте можно случайно проиграть, но не было случая, чтобы кто-либо случайно установил сразу десяток мировых рекордов. Это мог сделать только великий спортсмен.

Последние слова долетели до слуха Веточкина-старшего.

«Кто знает, — подумал он, — может быть, у меня вдруг открылся талант?»

Когда число мировых рекордов, побитых Веточкиным-старшим, перевалило за десяток, он испугался и произнес:

— Да что же это со мной такое?

Вдруг он хлопнул себя по лбу, стремительно бросился к трибуне, подбежал к Гоше, сидевшему на почетном месте в первом ряду, и схватил его за шиворот.

— Говори! Это твои штучки?

Гоша струсил. Он старался незаметно записать в карман какой-то небольшой аппарат, похожий на миниатюрный радиоприемник.

— Что это у тебя такое? Показывай! — гневно приказал Ваня.

— Это... это... мне подарили, — пролепетал Гоша. — Честное пионерское... В Академии наук подарили. Хочешь, покажу?

— Ты мне уже показал, — зловеще обронил Ваня. — Я тебе это припомню!

— Чудак, я же для тебя хотел сделать лучше.
— Ты мне зубы не заговаривай! — прошипел Ваня. — Говори, что у тебя за аппарат?

— Он уменьшает силу земного притяжения. Здесь в книжечке все сказано, — торопливо сказал Гоша.

Ваня пробежал глазами первую страничку. На ней была коротко изложена история одного из самых замечательных изобретений второй половины двадцатого века.

Еще в 1687 году великий физик Ньютон открыл закон всемирного тяготения. Многие столетия ученые мечтали о том, чтобы избавиться от силы тяжести. В середине двадцатого века была найдена особая частица — гравитон, которая, как говорилось в книжечке, является носителем силы тяжести. Если на эту частицу воздействовать при помощи электричества, то предмет может стать невесомым.

«Человечество, — говорилось в книжечке, — близко к тому, чтобы окончательно покорить силу земного тяготения. Пройдет немного времени, и в воздух подымутся невесомые самолеты, а в мировое пространство устремятся лишенные силы тяжести звездные корабли, для которых не надо запасать горючее...»

— Вот мне и подарил этот аппаратик сам президент Академии наук, — с гордостью сказал Гоша. — Если лучи этого аппарата направить на какой-нибудь предмет, то он станет легким, как пушинка.

Но Ваня уже не слушал. Он выбежал на середину стадиона, выхватил у кого-то микрофон и поднял руку, требуя тишины.

— Слушайте меня все! — закричал он. — Я не побил никаких рекордов. Это пошутил мой брат Гоша!

Слезы душили Веточкина-старшего. «Ах, как обидно! Ах, как нехорошо!» В отчаянии Ваня схватился руками за голову и бросился к выходу.

ГОША ПОМОГАЕТ СТРОИТЬ ДОМ

Гоша догнал брата за воротами стадиона.
— Вань, а Вань, я больше не буду, — тянул он, виновато шмыгая носом.

— Опозорил на весь город, а теперь — не буду! Что о нас подумают? Скажут: хвастуны и обманщики эти Веточкины.

— Не ска-а-ажут, — неуверенно тянул Гоша.

Братья остановились возле строящегося дома. К строительной площадке то и дело подходили машины, нагруженные большими красивыми полупрозрачными плитами. Высокий кран, похожий на вытянутую журавлиную шею, подхватывал плиты, поднимал их и бережно укладывал на высокую стену.

Рабочих на стройке почти не было. Маленький, коренастый и подвижный, словно футбольный мяч, мужчина суетился возле машины, отдавая кому-то приказания. Дом воздвигался быстро. Ваня даже подумал, что человек при помощи крана складывает дом, словно из детских кубиков. Только кубики эти большие. Каждый кубик сам размером с небольшой дом.

— Хочешь, я сделаю что-нибудь хорошее? Хочешь, я помогу этому дяденьке? — предложил Гоша.

— Этот дяденька отлично обходится и без твоей помощи.

— Все-таки ему будет легче.

И Гоша направил свой аппарат на одну из панелей, лежавших на машине. Огромная плита, словно по волшебству, поднялась в воздух, подплыла к стене здания и опустилась рядом с другой такой же панелью. Мужчина удивленно застыл на месте. Гоша повернулся, чтобы успокоить его, сказать, что все в порядке, и в «наш век» не следует ничему удивляться, а тем более пугаться при виде чудес, совершаемых при помощи техники. Но прораб вдруг беспомощно распростер руки и поднял

ся в воздух. Он плыл над землей, словно воздушный шарик, у которого оборвалась веревочка.

— Помоги-и-те! — пронзительно закричал вдруг прораб.

Гоша побледнел и опустил аппарат. Человек камнем стал падать вниз. Ваня выхватил у Гоши аппарат и направил его на мужчину. Того сильно тряхнуло, и он снова стал парить над землей.

— Несчастный! Что ты наделал?! — воскликнул Ваня.

— Кто несчастный?

— Ты несчастный! — зашипел Ваня. — Ты чуть не стал убийцей!

— Вань, а Вань, — захныкал Гоша, — будь человеком, приземли ты его куда-нибудь подальше. А мы давай убежим...

— Ну нет! — ледяным тоном промолвил Веточкин-старший. — Он опустился рядом. А ты... Я стыжусь даже называть тебя своим братом... А ты должен извиниться перед ним.

— Ни за что! Ну, хочешь, ударь меня! Ну, плюнь в меня! Только извиняться я не буду, — хныкал Гоша.

— Нет, будешь! — сказал Веточкин-старший и подтолкнул брата к человеку, растерянно сидевшему посреди улицы и вытиравшему платочком пот со лба.

— Извините меня, — сказал ему Гоша, глядя куда-то в сторону, и опрометью бросился бежать вдоль улицы.

КАК ГОША СТАЛ ВЕЛИКАНОМ

Длинная прямая улица, похожая на аллею парка, вела к зеленой опушке леса. Раньше здесь никакого леса не было, Ваня это хорошо помнил. Сразу же за огородами и небольшими деревянными домиками окраин начинался большой пустырь. Здесь когда-то была городская свалка. А лес был дальше, за рекой. Туда ребята ходили на экскурсию, собирали для гербария узорчатые лапы папоротника, тронутые позолотой стрелчатые листья кленов, искали грибы и ягоды, а затем писали в классе сочинение на тему: «Что я видел в лесу».

Если бы пришлось писать такое сочинение теперь, то учительница, наверное, поставила бы Ване за него двойку.

«Ну и выдумщик ты, Ваня Веточкин! — сказала бы она. — Где ты видел такой лес, в котором деревья растут до самых облаков и стволы у них прямые и гладкие, как колонны?»

Но что поделаешь, если деревья в этом необыкновенном лесу и в самом деле такие прямые и огромные? Уж на что рябина и та подняла свою ярко-красную шапку так высоко, будто хвастаясь: смотрите, какая я стройная, нарядная!

А грибы! Таких грибов Ваня никогда не видал. Каждый гриб был величиной с зонтик.

К лесу примыкал сад. Деревья здесь были хотя и невысокие, но раскидистые, будто гигантские

шатры. Ветки их сгибались под тяжестью румяных яблок, огромных фиолетовых, словно подернутых дымкой слив, золотистых апельсинов и каких-то неведомых плодов. Гоша тут же отведал их и заявил:

— По запаху похожи на ананасы. А на вкус? Вкуснее, чем вишневое варенье.

Часть сада была отгорожена невысокой декоративной решеткой, обвитой диким виноградом и плющом. У входа висела табличка: «Внимание! Без шлема и наплечников не входить». Рядом на колышках были развешаны толстые кожаные шлемы. Тут же лежали наплечники из пластмассы. Веточкины надели эти доспехи, взглянули друг на друга и рассмеялись.

— Мы похожи на мотогонщиков, — сказал Ваня.

— Нет, на танкистов! — поправил Гоша. — Не пойму, зачем нужен этот маскарад?

— Сейчас увидим, — рассудительно ответил Ваня и открыл калитку.

Едва он сделал несколько шагов по саду, как перед ним упало что-то тяжелое. Ваня вздрогнул.

Это было яблоко... величиной с арбуз.

— Килограммов пять весит, — с трудом подняв его с земли, определил Гоша. — Теперь понятно, зачем нужны шлемы и наплечники. Если такое яблочко упадет на голову, шишкой не отделаешься.

Гоша надкусил яблоко и, причмокнув, воскликнул:

— До чего же вкусное!

Хотя яблоко было действительно очень вкусным, Веточкины вдвоем смогли съесть только меньше половины его.

За садом начинался луг. Здесь росла густая, сочная и очень высокая трава, выше человеческого роста. Гоша сразу же заблудился в траве и принялся аукать.

— Чего кричишь? Здесь я, — раздвигая гигантские цветы клевера, откликнулся Ваня.

Веточкины вышли на дорогу. Прямо на них, поднимая облако пыли, двигалось стадо каких-то животных. Братья могли бы поклясться, что это коровы. Но никогда в жизни ни Ваня, ни Гоша не видели корову... величиной со слона.

— Бежим отсюда! — крикнул Гоша и припустился по дороге.

Дорога привела Веточкиных к невысоким стеклянным строениям. Их оглушило кудахтанье кур, испуганно метнувшихся во все стороны. Куры так же, как и коровы, были невиданных размеров.

— Вот так куры! — удивился Ваня. — Величиной со страуса. Послушай, уж не очутились ли мы в стране великанов? Великаны деревья, великаны коровы, куры...

Гоша не успел ответить. Расправив крылья, на него налетел огромный петух. Гоша упал, пронзительно завопил и пополз на четвереньках. Он полз, а петух бежал за ним и клевал. Ваня самоотверженно бросился на выручку брату. Он что было силы ударил петуха по гребню. Петух возмущенно кукарекнул и отбежал в сторону.

Братья воспользовались передышкой, вбежали в небольшой домик и захлопнули дверь.

— Вот дрянь! — размазывая по щекам слезы, выругался Гоша. — Таких петухов убивать надо!

— Больно? — сочувственно спросил Ваня.

— А ты думал? Да еще из штанов целые куски повыщипал! Как я только домой покажусь?

— Ну, об этом не беспокойся. Может, мы домой и не попадем.

Гоша успокоился и стал деловито осматриваться по сторонам. Его внимание привлекли мешочки, стоявшие на полке. Он заглянул в один из них, зачерпнул пальцами какой-то желтоватый порошок, понюхал и лизнул.

Надо сказать, что Гоша любил пробовать все, начиная от варенья и кончая уксусом и перцем. Дома его так и называли: «Наш дегустатор».

— Что ты делаешь? А если это отрава? — закричал Ваня.

Но Гоша не слушал. Зачерпнув пригоршню желтого порошка, он, причмокивая от удовольствия, уплетал его.

— Вкуснота! — говорил он. — Похоже на грецкие орехи пополам с шоколадной халвой. Попробуй!

Но Ваня не захотел пробовать. Выглянув в приоткрытую дверь, он сказал:

— Петух убежал. Путь свободен.

— А ты посмотри получше, — вытирая о штаны руки, попросил Гоша. — Может быть, этот проклятый петух спрятался где-нибудь и подстерегает?

— Убежал он! Пойдем быстрее.

Мальчики вышли из кладовой и, оглядываясь по сторонам, побежали по дороге к городу.

— Что ты на меня все смотришь? — спросил Гоша.

— Так... Мне показалось...

— Что показалось? — забеспокоился Гоша.

— Ничего. Просто померещилось.

Однако не прошли они и сотни шагов, как Ваня схватил брата за рукав и воскликнул:

— Так и есть! Ты растешь прямо на глазах!
— Как это расту?
— Очень просто. В высоту и... Разве ты не замечаешь?

— Пустяки, — бросил Гоша. — Просто у меня хороший аппетит, и я немножко поправился.

— Вот так немножко! Ростом меня перегнал! — сказал Веточкин-старший и захохотал: — Ой, не могу! — всхлипывал он, прыгая и хватаясь за живот. — Клоун! Ну, прямо клоун из цирка!

Ваня с трудом успокоился, но, взглянув на Гошу, снова приснул.

И в самом деле долговязый Гоша с круглым животиком и длинными ногами, вылезавшими из коротеньких, до колен, штанишек, был очень смешон.

Но Гоше было не до смеха. Он вдруг почувствовал голод. Никогда в жизни у него так не сосало от голода под ложечкой, как сейчас. Ох, как ему хотелось есть!

— Скорее в столовую! — крикнул он и рысью помчался к видневшимся вдали городским корпусам. Ваня едва поспевал за ним. Он никогда не предполагал, что Гоша может развить такую скорость. Впрочем, ничего удивительного в этом не было: Гоша стал великаном, и шаги у него были тоже великаны.

Столовую Веточкины отыскиали быстро. Большая стеклянная дверь сама открылась перед ними, и чей-то приятный голос из репродуктора произнес:

— Здравствуйте. Добро пожаловать!

Едва лишь мальчики переступили порог, как две мягкие щетки бросились им под ноги, смахнули с ботинок пыль и так же внезапно исчезли в углублении пола. Две другие щетки, соединенные с трубой пылесоса, прошли по одежде.

Не успели Веточкины занять места за столом, как откуда-то сверху опустился поднос, уставленный кушаньями. Чьи-то невидимые руки расставили блюда, тарелки с хлебом, вазы с фруктами,

убрали поднос, и тот же бархатный голос произнес:

— Приятного аппетита.

— Спасибо, — вежливо ответил Ваня.

Гоша, успевший запихнуть в рот целый кусок бифштекса, пробормотал что-то невнятное и при этом чуть не подавился.

— Не следует торопиться, — укоризненно произнес таинственный голос.

— Это к тебе относится, — произнес Ваня. — Веди себя прилично. Не позорь семейства Веточкиных.

Гоша попытался внять мудрому совету, но голод оказался сильнее его добрых намерений. В одну минуту он проглотил салат с трюфелями и маслинами, съел тарелку супа из цветной капусты, справился с курицей и принялся за ананасы.

— Ну как, теперь сыт? — спросил Ваня, искоса поглядывая на брата.

— Немножко, — простодушно сказал Гоша. — А знаешь, люди будущего умеют вкусно готовить. Я сначала боялся, что нам придется есть одни таблетки. Проглотишь таблетку величиной с ноготь — и сыт весь день.

— Таблетки у них тоже есть, — кивнул Ваня. — Только их готовят специально для межпланетных путешествий, чтобы меньше места занимали. Мне Бабакин рассказывал.

Веточкины встали из-за стола. За время обеда Гоша, оказывается, еще подрос и потолстел. Теперь Ваня уже не смеялся. Ему стало страшно.

— До каких пор ты будешь расти? — спросил он.

— Не знаю, — пожал плечами Гоша, и от этого движения рубашка на его спине лопнула. — Наверное, это климат на меня так действует. Ты слышишь? Кажется, это нас по радио вызывают?

Голос из репродуктора, скрытого портьерами, повторил:

— Мальчики, только что вставшие из-за стола,

зайдите, пожалуйста, в научно-медицинский кабинет при столовой.

В большой комнате, уставленной какими-то аппаратами и приборами, Веточкиных ожидал врач-гигиенист в белом халате. Он пристально посмотрел на Гошу и покачал головой.

— Вы поступили легкомысленно, юноша, — сказал он. — Ну-ка, вспомните, что вы съели примерно час тому назад?

— Ничего... Я только попробовал какой-то желтый порошок.

— Я так и подумал. А вы знаете, что это за порошок?

Гоша отрицательно покачал головой.

— Стимулятор роста. Причем в чудовищной концентрации. Пока не поздно, придется ввести вам в кровь противостимуляторную сыворотку. Как же вы так неосторожны? — набирая в шприц какую-то жидкость из ампулы, говорил доктор. — Пора уж, кажется, знать, что стимулятор роста предназначен для животных и растений. А человеку он совершенно ни к чему.

«Так вот откуда великаны-деревья, гигантские травы, коровы ростом со слона и куры величиной со страуса! — подумал Ваня. — Наверное, их кормят этим порошком. Вот они и растут не по дням, а по часам».

— Ну вот и все, — улыбнулся доктор, откладывая в сторону шприц. — В другой раз будьте осторожнее.

Поблагодарив доктора, мальчики вышли из столовой.

— Ну-ка, посмотри, какой я теперь? — уныло попросил Гоша.

— Вроде бы немножко похудел, — чтобы утешить брата, сказал Ваня. — Ты и в самом деле похудел! — увереннее добавил он.

Прошло еще немного времени, и Гоша стал прежним Гошей Веточкиным, невысоким, коренастым, подвижным пареньком, который любит всюду совать свой курносый, веснушчатый нос.

У ГОШИ ОТКРЫВАЕТСЯ ТАЛАНТ

Вечером, после дождя, воздух стал синим-синим и теплым, как парное молоко. Над городом носился запах акаций и резеды.

По улицам мчались открытые автомобили и мотороллеры. В небе бесшумно кружили двухместные прогулочные самолеты с атомными двигателями, и с места на место порхали, словно птицы, прохожие: за спиной у них вибрировали небольшие механические крылья.

Но не это изумило Веточкиных. На площади, вымощенной цветными плитками, образующими красивый орнамент, они увидели большую толпу. Энергично работая локтями, любопытный Гоша протиснулся вперед. Ему не терпелось узнать, что же происходит. Через минуту он вынырнул из толпы, бледный, всклокоченный и немного испуганный.

— Что случилось? — спросил Ваня.

— Там... по-по-нимаешь, — заикаясь от волнения, произнес Гоша, — там голубые люди... Нет, не люди! Я даже не знаю, что это такое...

Он схватил Ваню за рукав и потащил его в толпу.

Окруженные плотным кольцом любопытных, на площади стояли какие-то существа, отдаленно напоминающие людей. Их было трое. Закутанные в плащи из оранжевой блестящей материи, они круглыми, лишенными ресниц и бровей, немигающими глазами оглядывали толпу, временами издавая гортанные, похожие на орлиный клекот звуки. Трехпалые длинные руки, лица с острыми птичьими клювами, голые черепа у них были странного голубого цвета. На груди у каждого висел небольшой баллон с присоединенной к нему эластичной трубкой. Странные существа то и дело подносили трубку ко рту, делали глубокий вдох, затем снова обращались к толпе, отвечая через переводчика на вопросы, задаваемые любопытными. Кое-кто из

толпы дружески похлопывал их по плечу, пожимал им руки, произносил слова приветствия.

— Кто это такие? — тихонько спросил Ваня человека, стоявшего рядом с ним.

— Гости из космоса, — ответил тот и назвал планету, о которой Веточкиным довелось услышать впервые.

Словоохотливый человек объяснил Ване, что межпланетный корабль приземлился дня три назад и теперь гости из космоса после торжественных встреч и приемов знакомятся с жизнью землян, которые до этого побывали на их планете.

— Сегодня наши гости встречались в университете с молодежью, — пояснил он, — а сейчас они направляются в театр.

— А что это за аппараты у них на груди? — спросил Гоша.

— Видишь ли, они дышат не так, как мы, не воздухом, а азотом. Азот они выделяют из воздуха при помощи специальных аппаратов.

В эту минуту на площадь опустился шестиместный вертолет. Космические гости, переводчик и двое сопровождающих их людей заняли места, и вертолет бесшумно поднялся в воздух.

Огромный город в эти вечерние часы отдыхал и веселился. В лиственных аллеях то там, то здесь вспыхивали огни фейерверков, на открытых эстрадах звучала музыка. На перекрестках улиц и на площадях светились огромные экраны — демонстрировались последние телевизионные известия. Цветные кинокадры рассказывали о событиях, которые происходили в различных уголках земного шара. Вот торжественные проводы французских пионеров, улетающих в межпланетном поезде в трехдневную экскурсию на Марс. Вот улыбающееся лицо девушки, поднявшей над запрокинутой головой тяжелую гроздь винограда. Диктор поясняет: на виноградниках Архангельска началась уборка урожая. Тракторы поднимают безбрежный тундровый чернозем. Здесь когда-то был край вечных льдов и снегов. Колонной из двадцати машин

управляет на расстоянии всего лишь один тракторист, находящийся у пульта автоматической тракторной станции.

Вот двое ученых — русский и китаец — склонились над письменным столом. Им удалось расшифровать сигналы, полученные из космоса, от обитателей далекой планеты из созвездия Андромеды. Сейчас ученые готовят ответное послание. Они предлагают жителям планеты обменяться делегациями мира и дружбы, послать друг к другу звездные корабли.

— Счастливые, — вздохнул стоявший рядом с Веточкиным невысокий светловолосый человек, кивнув на экран.

В это время показывали космонавтов, испытывающих звездный корабль.

— Счастливые, — повторил незнакомец, — а я свое отлетал.

— Вы разве летчик? — спросил Ваня.

— Был когда-то. Если ты следил за газетами, то, вероятно, помнишь о первом полете на Марс? В списке экипажа космического корабля было тогда и мое имя — Иван Иванович Лукин. А теперь вот все в прошлом. Возраст не тот...

— У вас больное сердце? — сочувственно спросил Гоша.

— Нет! — сказал Иван Иванович. — Мое собственное сердце давно уже износилось. Пришлось поставить новое. Гарантия на сто лет!

— Ни за что не поверю, — засмеялся Гоша, — чтобы живому человеку поставили новое сердце. Это же не шестеренка к велосипеду! Из чего же у вас сердце? Резиновое? Или, может быть, из нержавеющей стали?

— Ай-ай-ай, чему только вас в школе учат? — укоризненно покачал головой бывший космонавт. — Нет, дружок, мое сердце не из резины и не из стали, а из особого эластичного материала, получаемого благодаря всемогущей химии. Если хотите, пойдемте со мной, и я вам покажу кое-что интересное.

Минут через десять братья Веточкины во главе с Иваном Ивановичем вошли в здание, над входом в которое неоновыми буквами светилась вывеска: «Институт пересадки органов и тканей». Иван Иванович попросил мальчиков подождать в приемной, а сам куда-то вышел. Ваня и Гоша осмотрелись по сторонам. Приемная показалась Веточкину-старшему чем-то похожей на зубоврачебный кабинет, в котором ему пришлось однажды побывать. Только там за стеклами витрин были выставлены коронки, зубы и челюсти, а здесь под стеклом находились искусственные сердца, почки, желудки, суставы и даже носы различных размеров и фасонов. Один из них был длинным и заостренным. Он сразу не понравился Веточкиным. Человек, который бы вздумал заказать себе такой нос, вероятно, сразу бы стал похожим на прониру. Другие, симпатичные, носы имели форму «картошки», третьи напоминали туфельку. Больше всего Ване понравился римский нос.

— Если бы мне понадобился новый нос, я бы выбрал себе именно такой, — задумчиво произнес он. — Тоненький и с горбинкой.

— А мне больше нравится тот, который рядом, — сказал Гоша. — Правда, он немножко похож на сливу. Но зато человек с таким носом выглядит очень важным, совсем как пожарник, который живет... жил рядом с нами.

Спор о носах был прерван появлением Ивана Ивановича. Он вернулся в сопровождении седоватого человека в белом халате.

— Эти юноши, профессор, не верят в могущество медицины. Из какой только глуши они приехали?

— Не из глуши, а из... — начал было Ваня и осекся.

Все равно никто не поверит, что волшебник Сергей Иванович перенес их из прошлого века в двадцать первое столетие.

— А я тебя где-то видел, — вглядываясь в Гошу, стал припоминать профессор. — Ну-ка, по-

вернись к свету. Ну, конечно! Тебя зовут Гошей? Это твой портрет?

С обложки иллюстрированного журнала смотрел улыбающийся Гоша. Его сфотографировали в ту минуту, когда он прикладывал к уху спичечную коробочку, прислушиваясь к жужжанию пчелы.

— Приятная встреча! — продолжал профессор. — Рад познакомиться. Чем я могу быть вам полезен? Ничем, конечно, — улыбаясь, ответил он сам себе. — И отлично! У нас, насколько я могу судить, молодые и сильные сердца, прекрасные легкие, крепкие руки и ноги. Нет, в нашем институте вам решительно нечего делать.

— Нет, вы можете мне помочь, — вдруг сказал Гоша. — Мне давно хотелось побывать в таком институте. Помогите мне, пожалуйста...

— Но чем же я могу помочь? — удивленно вскинул брови профессор.

— Дело в том, что у меня с арифметикой неважно.

— Ну, это не по моей части!

— Нет, по вашей! — горячо возразил Гоша. — Вы все можете! Замените мне, пожалуйста, мозги. Мне нужны другие мозги — математические...

— Каждый человек должен жить своим умом! — вмешался бывший космонавт.

— Справедливые слова. И я ничего для тебя не могу сделать, — улыбнулся профессор.

— А я думал, вы все умеете, — огорчился Гоша. — Беда мне с этой арифметикой!

— Ты, что же, не любишь арифметику? — спросил незнакомец.

— Я-то ее люблю, — отвечал Гоша, — но почему-то она меня не любит. Ну прямо-таки ненавидит! Не получают у меня задачки — и все тут! Особенно с двумя неизвестными...

— Понятно, — кивнул профессор. — А вот мы тебя сейчас проэкзаменуем и выясним, почему же арифметика тебя ненавидит. Как у тебя обстоит дело с вычитанием и делением?

— И проверять нечего, — буркнул Ваня. — Одни двойки.

— А с умножением и сложением? — спросил профессор.

— Это мне больше нравится, — ответил Гоша.

— Отлично. Тогда начнем с таблицы умножения. Сколько будет семью семь?

— Пятьдесят четыре, — не задумываясь, ответил Гоша.

— А подумав?

— Подумав... Сорок пять.

— А еще точнее?

Гоша страдальчески сморщился и посмотрел на брата, но тот сосредоточенно рассматривал макет искусственного желчного пузыря.

— Вы меня спросите что-нибудь другое, — попросил Гоша. — Ну, хотя бы дважды два. Или пятью пять.

— Нет, — засмеялся профессор, — лучше перейдем к делению. Предположим, тебе, твоему брату и мне подарили четыре яблока. Как бы ты их разделил?

— На троих? — спросил Гоша. — Я каждому дам по одному яблоку, а себе оставлю два.

— Это почему же? — возмутился Ваня. — Это ист несчастный!

— А за то, что делил, полагается?

— Теперь я вижу, — засмеялся профессор, — ты и в самом деле не в ладах с арифметикой. И не только с арифметикой. Что же нам с тобой делать?

— Пересадите мозги — и дело с концом.

— Нет, мозги у тебя исправные, — усмехнулся профессор. — Беда только, что лентяю достались. Я бы мог, правда, дать тебе эту таблетку. Проглотив ее, ты через минуту стал бы умножать, делить, вычитать и складывать так же хорошо, как арифмометр. Но только не дам я тебе таблетки! Приучайся быть самостоятельным. Ну вот что, ребята, вы здесь посидите, а у нас есть дела, — сказал профессор и, взяв под руку Ивана Ивановича, вышел.

Коробочка с таблетками осталась лежать на столе.

Не успел Ваня опомниться, как Гоша открыл ее, схватил таблетку и проглотил.

— Что ты сделал? — испуганно вскрикнул Ваня.

— Бежим! — сказал Гоша и, схватив брата за руку, потащил его к выходу.

— Ну, теперь задавай мне математические вопросы, — сказал Гоша, выйдя на улицу. — На умножение и вычитание...

— Сколько будет, если от трехсот семидесяти пяти отнять, ну, хотя бы сто семнадцать?

— Двести пятьдесят восемь.

— Правильно, — подсчитал на песке палочкой Веточкин-старший. — А умножить двести тридцать один на сорок шесть?

— Десять тысяч шестьсот двадцать шесть, — мгновенно ответил Гоша.

— Правильно! — удивился Ваня, подсчитав. — Теперь тебя можно будет показывать в цирке, как ученую собаку...

Гоша решил всюду блеснуть своими математическими способностями. Он жонглировал четырьмя действиями арифметики, будто фокусник. Четырехзначные и пятизначные цифры так и сыпались у него с языка. Он умножил число пролетевших над ними ворон на количество съеденных им накануне пирожных. Он сложил все двойки, полученные им за год, и сумму разделил на число прохожих, встреченных в течение десяти минут. Двоек хватило на всех, и это вычисление почему-то доставляло Гоше особенно большое удовольствие.

Ваня слушал его и проникался все большим уважением к брату. Сам того не замечая, он даже стал называть Гошу на «вы».

— Послушайте, Гоша! — воскликнул он. — Вы и в самом деле гениальный мальчик!

Гоша скромно кивал головой. Он был согласен с мнением Веточкина-старшего. Мог ли он в эту минуту предполагать, что математический талант, открывшийся у него, послужит причиной новых удивительных приключений, которые предстоит ему пережить!

Веточкину-старшему вдруг показалось, что Веточкин-младший стал необыкновенно рассеянным. «Ну что же, — подумал он, — все великие математики были рассеянными».

Но Гоша, кажется, превзошел в этом отношении всех великих математиков. Он вел себя и в самом деле очень странно: на вопросы отвечал невпопад, разговаривал сам с собой, производя какие-то вычисления. Вдруг он схватил за рукав какого-то прохожего и принялся доказывать ему, что астрономы ошибаются. По его подсчетам, в Галактике не сто пятьдесят миллиардов звезд, а на целых пятнадцать тысяч звезд больше, что луч света проходит от одной крайней звезды Галактики до другой не сто тысяч лет, как это совершенно неправильно утверждают некоторые астрономы, а только девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять лет. Если прохожий сомневается, то может все это сам подсчитать и проверить.

Прохожий испуганно шарахнулся в сторону, а Гоша, продолжая сыпать цифрами и жестикулируя, зашагал дальше.

Как раз в эту минуту из подъезда высыпала толпа студентов. Чья-то спина загородила Гошу от Вани, а когда тротуар опустел, его уже не было. Гоша исчез.

Ваня, запыхавшись, побежал в интернат и разыскал Бабакина.

— Исчез Гошка! Что делать? — испуганно спросил он.

— Как что делать? А видеофон зачем? Настройся на Гошкину волну, и мы все узнаем.

— Вряд ли, — неуверенно произнес Ваня. — Он стал какой-то... рассеянный.

И Ваня рассказал Бабакину про то, как они побывали в институте пересадки органов и тканей, и о том, как Гоша проглотил «математическую таблетку».

— А ты все-таки попробуй! — настаивал Бабакин.

Ваня включил висевший через плечо на ремне аппаратик: тотчас послышалось тихое гудение, маленький экран голубовато засветился, и на нем появился силуэт Гоши.

— Он! — обрадовался Ваня. — Честное пионерское, он! Даже веснушки на носу вижу.

Из микрофона раздался Гошин голос:

— Вань, я вижу тебя... город Трех солнц...

Гоша вдруг замолк, изображение дрогнуло и исчезло.

Ваня растерянно вертел какие-то винтики, нажимал кнопки, но видеофон безмолвствовал.

— Дай-ка я посмотрю, — сказал Бабакин, склоняясь над аппаратом. — Вроде бы аппарат в порядке. Не иначе, как с Гошей что-нибудь произошло.

— Где он? Этот... город Трех солнц? — взволнованно спросил Ваня.

— Не особенно далеко. Отсюда на ракетоплане четверть часа полета.

— Тогда летим скорее!

В ГОРОДЕ ТРЕХ СОЛНЦ

Через пятнадцать минут ракетоплан пошел на посадку.

— Что это? — удивился Веточкин-старший. — Мы вылетели поздно вечером, а теперь светло как днем. И солнце в небе.

— Целых три, — поправил Бабакин. — Это ночные солнца.

В небе и в самом деле сияли три огромных искусственных солнца. Они были не такими яркими, как настоящие, но все же хорошо освещали раскинувшийся внизу город и его окрестности.

— Крыши здесь какие-то странные, — удивился Ваня, указывая через иллюминатор на серебристые, похожие на вафли, плоские и наклонные крыши.

В лучах искусственных солнц он разглядел такие же серебристые вафельные, как и крыши, квадраты, расположенные вокруг города на одинаковом расстоянии друг от друга.

— А это что за квадраты?

— У меня есть путеводитель, — сказал Бабакин. — Там все сказано. Посмотрим...

«Город Трех солнц основан в 2000 году, в центре пустыни Гоби, где раньше не было ни дорог, ни рек, ни лесов, но зато имеются богатые залежи полезных ископаемых, — прочитал он. — Когда-то солнце выжгло здесь все живое. Теперь же оно дало жизнь этому обширному краю...»

Бабакин не успел дочитать до конца. Ракетоплан плавно опустился на бетонную дорожку. Не теряя времени, приятели остановили попутную машину и попросили водителя довезти их до города.

Веточкин заметил, что приземистая, как бы распластавшаяся по земле машина не была похожа на автомобили, которые он видел в XX веке. Ее корпус был сплошь усеян серебристо-серыми чешуйками, похожими на мозаику.

— Удивительный автомобиль, — сказал он. — Никогда не видел такого.

Водитель, смуглолицый человек, улыбнулся и поправил:

— Это солнцемобиль. А вы, ребята, наверное, солнцелетом прилетели?

— Нет, ракетопланом, — ответил Бабакин.

— То-то, смотрю, на рейсовый солнцелет опоздали. Он только что ушел с солнцедрома.

Ваня решил, что в этом удивительном городе все слова «солнечные», и спросил:

— А разве здесь солнцевозы не ходят?

— Скоро будут ходить, — кивнул водитель. — Вот однокорейную железную дорогу построим и тогда пустим солнцевозные поезда.

— А пароходы, то есть солнцеходы, у вас есть?

— У нас пока еще нет реки. Когда проведем реку, тогда и солнцеходы поплывут.

— А солнцеликты и солнцелеты?

— Ну, этого сколько хочешь! — засмеялся водитель. — Вот приедем в город, сами увидите.

В это время солнцемобиль поравнялся с одним

из загадочных квадратов, расположенных у самой дороги.

— Это наша гелиоэлектростанция, — пояснил водитель. — Она снабжает электрическим током город, фабрики, заводы и фермы.

— А откуда получается ток? — заинтересовался Веточкин-старший.

— Тебе, я вижу, надо объяснить все по порядку, — засмеялся водитель. — Расскажу-ка я тебе сказку. И тогда ты поймешь, что к чему. Жил-был на свете луч. Обыкновенный солнечный зайчик. Ты и сам его не раз видел. То он мелькнет светлым пятнышком в листве деревьев, то блеснет на стекле. Попробуй-ка поймай! Солнечный лучик был настоящим волшебником. Стоило ему захотеть, и он превращался в радугу, перекинувшуюся от одного края неба до другого. Он проникал в комнату, прыгал с зеркала и растягивался на полу красивым, разноцветным зверьком. И люди увидели, что простой солнечный лучик не так уж прост, как это кажется. Они и до этого знали, что он приносит много пользы — дает людям тепло и свет. Благодаря ему на земле растут цветы и деревья, травы и злаки. Но люди хотели заставить солнечный луч работать еще лучше и отдавать без остатка всю энергию, спрятанную в нем. Появились охотники за солнечным зайчиком. Они повсюду расставляли на него свои силки. Наконец поймали лучик и заставили его работать...

— Как же это случилось? — спросил Ваня.

— Ты, конечно, знаешь, что такое полупроводники? — продолжал водитель. — Это такие вещества, которые пропускают через себя ток гораздо хуже металлов. Но зато у них есть замечательное свойство — превращать световую энергию в электрическую. Из полупроводников на Земле чаще всего встречается кремний.

— Ну, это я знаю, — вставил Ваня. — Из него состоит обыкновенный песок.

— Да, песок рек и пустынь — это и есть кремний в соединении с кислородом. Песок встре-

чается повсюду. Пустыня — это целый океан песку. Но нам нужен не простой песок, а чистый, самый чистый кремний. Когда нам удалось очистить песок от кислорода и других примесей, мы получили чистейший кремний. А из него построили крыши наших домов и гелиоэлектростанций. Этот квадрат, который ты только что видел, — настоящая ловушка для солнечных лучей. Он превращает солнечные лучи в электрический ток и посылает его по воздуху без проводов туда, где в нем нуждаются. Крыши из пластинок кремния обогревают и освещают дома, приводят в действие холодильники, телевизоры, радиоприемники, освежают и очищают воздух.

— И ваша машина работает при помощи солнца? — спросил Ваня.

— Конечно, — кивнул водитель.

— А если приходится ездить вечером или когда пасмурно?

— Ну и что ж! Я включу аккумуляторы или возьму энергию прямо из воздуха. Гелиоэлектростанции вырабатывают за день много энергии. Беру в любое время, сколько тебе понадобится.

— А как устроены искусственные солнца?

— Они сделаны также из полупроводников. Днем они собирают солнечную энергию, а ночью посылают ее на Землю. Они помогают нам быстрее выращивать овощи, фрукты, пшеницу. Мы собираем по три урожая в год.

— И здесь светло круглые сутки? Но разве это не мешает людям спать? — спросил Ваня.

— Раньше люди спали слишком много, — улыбнулся водитель. — Восемь часов в сутки. На сон у них уходила треть жизни. Наши ученые изобрели электросон. Человек включает особый аппарат, уничтожающий усталость, спит час или полтора и просыпается бодрым и свежим. Все остальное время он может посвятить труду, музыке, поэзии, спорту.

— Вот это здорово! — удивился Ваня. — А если кто-нибудь, к примеру, не захочет работать? Ес-

ли кому-то больше нравится веселиться или просто ничего не делать?

— Ну, этого не может быть, — засмеялся водитель. — Разве человек может обойтись без работы? Труд нужен каждому, как воздух, как вода и пища. А если среди нас и появился бы такой бездельник, которому нравится сидеть сложа руки, то мы немедленно направили бы его к врачу. Доктор проверит его умственные способности и назначит лечение.

— Не попал ли в такую же историю и Гоша? — тихонько шепнул Веточкин Бабакину. — Он у нас любит полодырничать. Придется поискать его в доме для умалишенных.

ПОИСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

К удивлению Веточкина, в городе Трех солнц не оказалось дома для умалишенных, а единственная больница, куда они с Бабакиным зашли, пустовала.

— Что вы, молодые люди, — удивился доктор, игравший в пустой палате с санитаром в шахматы, — у нас в городе уже давно никто не болеет. Последний случай насморка был, дай бог памяти, лет двадцать назад.

— Что же вы здесь делаете? — удивился Веточкин. — Для чего тогда нужна больница?

— Для приезжих, — пояснил врач. — Кое-где на окраинах нашей планеты болезни еще существуют. Правда, это не такие опасные болезни, какие были когда-то, но мы и с ними в ближайшее время покончим. А пока... Вот дежури́м здесь...

Выйдя из больницы, Ваня и Бабакин долго бродили по улицам. Они расспрашивали прохожих, пытались узнать что-либо о судьбе Гоши, но встречные только удивленно пожимали плечами.

— Попробуй-ка еще раз включить видеофон, — посоветовал Бабакин. — Может быть, Гоша откликнется?

Ваня послушно настроил аппарат на Гошину

волну. На экране появилась улыбающаяся физиономия какого-то юноши. Откинув со лба непокорную прядь волос, он поздоровался и небрежно проронил:

— Я слушаю тебя, приятель.

— Откуда у тебя этот аппарат? — растерянно спросил Ваня.

— Это не мой. Какой-то чудак, понимаешь ли, увязался за нами. Так вот, это его аппарат.

— А какой он из себя, этот чудак?

— Да такой... Небольшого роста, вертлявый, веснушчатый, веселый, словно сверчок. А вообще-то способный парнишка. Все вычисления занимается. Далась ему эта арифметика!

— Это Гоша! — воскликнул Веточкин. — Говори скорее, где он?

— А кто его знает где? — беспечно промолвил юноша. — Вместе с нами в солнцесел сел, а потом выскочил из машины, и след простыл. Постой, постой! Он, кажется, собирался лететь в Волноград.

— Куда? — переспросил Веточкин.

— В Волноград, — юноша приветственно махнул рукой и выключил видеофон.

— Я знаю, где Волноград, — сказал Бабакин. — На берегу Атлантического океана.

— Летим скорее! — заторопился Веточкин.

Приятель остановили такси и помчались на солнцедром.

...В Волноград Ваня и Бабакин прилетели на рассвете. Еще издали они увидели безбрежный свинцовый океан, до самого горизонта покрытый белыми барашками. Океан бушевал. Огромные зеленые валы набегали на берег и с шумом обрушивались на бетонную плотину. Вдоль плотины были установлены тысячи мощных гидротурбин. Они приводились в действие силой волн и приливов. Бешеная сила океана рождала электрическую энергию. На этой энергии работали рыбоконсервные и химические заводы, а также комбинат по переработке водорослей. Обо всем этом Веточкин и Бабакин узнали из путеводителя.

— Начнем с комбината, — предложил Бабакин. — Это самое интересное место. Может, Гоша здесь? Он ведь любознательный парень.

На берегу бухты они увидели большие светлые корпуса. Ваня и Бабакин вошли в один из них. Ваня удивился: их никто не остановил, не спросил пропусков. В высоком просторном цехе работали сложные машины. Машинами управлял человек, дежуривший у пульта.

К нему-то и обратились ребята.

— Вон идет главный инженер комбината, — сказал дежурный. — Поговорите с ним.

Главный инженер выслушал сбивчивый рассказ Вани, заулыбался.

— Походите по цехам. Может быть, кто и встречал вашего Гошу. Заодно посмотрите производство. Это интересно.

Молодой инженер в белой тенниске, оттенявшей крепкую загорелую шею, охотно согласился показать ребятам комбинат.

— Начнем осмотр с бухты, — предложил он. — Там, на морском дне, находятся наши плантации водорослей.

Веточкину приходилось не раз читать о подводной охоте, о смелых спортсменах с ластами на ногах, вступающих в поединок с морскими чудовищами. Интересно, что он увидит на дне бухты?

И вот они готовы к путешествию под водой. На них — легкие водолазные костюмы из тонкой эластичной материи. На голове — такие же эластичные маски, соединенные трубкой с кислородным аппаратом. Катер доставил Ваню и Бабакина на середину бухты. По веревочной лестнице в сопровождении инженера они спустились на дно океана.

В бухте, отгороженной дамбой, было спокойно — волны не доходили сюда. В теплой зеленоватой воде слегка покачивались длинные густые водоросли. В их зарослях плавали рыбы, лениво шевелили прозрачными щупальцами медузы, по дну ползали крабы, подстерегая добычу, неподвижно лежали хищные моллюски.

Вдруг черная тень бесшумно, словно облако, проплыла над головами мальчиков.

— Кто это? — вздрогнул Ваня.

— Не бойся, — раздался в наушниках голос инженера. — Это обыкновенный кит. Я и забыл предупредить, что у нас при комбинате имеется китоводческая ферма.

— И там разводят китов? — удивился Веточкин.

— Конечно, — продолжал инженер. — Морское животноводство очень выгодная отрасль хозяйства. Киты быстро растут. За каких-нибудь два-три года маленький китенок становится взрослым животным. Из китов мы вырабатываем жиры, витамины и много других ценных продуктов.

— Таких великанов нелегко прокормить, — высказал предположение Веточкин.

— Кладовые океана неисчерпаемы, — пояснил инженер. — В воде полным-полно рачков и моллюсков, которыми питаются эти животные.

Веточкин и Бабакин старались не отстать от своего проводника. Чем дальше удалялись они от берега, тем гуще становились заросли. Это были настоящие подводные джунгли!

Но вот они вышли на открытое место и увидели удивительную машину, похожую на подводную лодку. Машина плыла под водой у самого дна. Длинные крылья по обе ее стороны двигались и щелкали, словно ножницы, срезая водоросли. В закрытой прозрачной кабине, расположенной в передней части машины, сидел человек и нажимал на рычаги. Увидев инженера, он приветливо помахал ему рукой.

К машине то и дело подползали вагонетки на гусеничном ходу. Металлические грабли, похожие на сильные и цепкие пальцы, сгребали водоросли в кучу и загружали в вагонетки.

— Это наш подводный комбайн, — раздался в наушниках голос инженера. — На дне бухты работают десятки таких машин.

— А что делают из этих водорослей? — спросил Веточкин.

— О, многое! — воскликнул инженер. — Водоросли, как известно, лучше всех других растений улавливают солнечную энергию. На каждом квадратном метре они могут накопить тридцать пять тысяч калорий, в то время, например, как сахарная свекла на такой же площади накапливает не более четырех тысяч калорий. Из водорослей мы получаем белки, жиры и почти все необходимые человеку витамины. Это наши подводные сады, поля и огороды. Урожай с них мы получаем круглый год.

— Ну хорошо, вы их скосите, а потом, что же, заново сеете?

— Нет, — засмеялся инженер. — Водоросли размножаются очень быстро. Одно растение за сутки дает двести пятьдесят шесть новых растений, вполне пригодных для переработки. Не надо ни пахать, ни сеять, ни вносить удобрения. Все необходимые питательные вещества водоросли получают из морской воды. А теперь пойдемте в цехи.

Они поднялись на катер и вернулись на берег.

У самого берега раскинулись огромные корпуса.

— Начнем с сушильного отделения, — предложил инженер.

Инженер, Ваня и Бабакин вошли в высокий полукруглый зал. Здесь в больших металлических камерах водоросли высушивались токами высокой частоты, затем спрессовывались в брикеты и по конвейеру отправлялись в цех механической переработки. Оттуда, измельченные и пропитанные растворами, они поступали в химические цехи. Там из них вырабатывали маргарин, йод, витамины, горючее для двигателей и другие пищевые, лекарственные и технические продукты.

Но самым интересным показался Веточкину цех, в котором из водорослей извлекалось золото. Да, это было настоящее, желтое, блестящее золото, которое здесь же отливалось в тяжелые плитки и на вагонетках отправлялось на склад!

— Откуда в водорослях золото? — удивился Ваня.

— Из воды, — пояснил инженер. — В морской воде всегда содержатся небольшие примеси золота. Водоросли поглощают его вместе с солями, а после переработки оно остается в виде отходов.

— Отходов? — удивился Веточкин. — Но ведь это же золото!

— Ну и что ж такого? Мы его отправляем в разные города. Там из золотых плиток делают скульптуры и отливают художественные решетки для садов и парков.

— Решетки из золота? — воскликнул Ваня.

— А ты разве не видел? — улыбнулся инженер. — Правда, этот металл не так красив и прочен, как некоторые искусственные сплавы, но не выбрасывать же его. В большом хозяйстве все пригодится.

Ваня очень удивился. Это было действительно то самое золото, из-за которого люди когда-то вели войны и проливали реки крови. Чтобы завладеть им, сильные угнетали слабых, богатые — бедных. С утра до вечера на фабриках, заводах, в шахтах и на плантациях работали на хозяев-капиталистов миллионы людей, наполняя их сейфы этим звонким блестящим металлом. А теперь? Теперь каждый может прийти сюда и взять эти блестящие плитки. «И я могу, — подумал Ваня. — Никто слова не скажет. Только зачем оно мне?»

Но где же все-таки Гоша? Ваня и Бабакин обошли цехи комбината, побывали на химических заводах и пищевых фабриках, но никто ничего не знал о Гоше. Да и был ли он в Волгограде? Может быть, юноша ошибся?

И вдруг Ване повезло. Уборщица, работавшая на вычислительной станции, куда напоследок заглянули Веточкин и Бабакин, на вопрос Вани всплеснула руками и воскликнула:

— Голубчик! Кажется, это был он, ваш Гоша. Небольшой такой, вихрастый... Все цифрами интересовался...

— Он, он! — закричал Ваня. — Где же вы его видели? Что с ним?

— Сейчас не знаю. А вчера вечером вдвоем с товарищем сюда заходил, с нашими учеными хотел поговорить.

«Вдвоем? Почему вдвоем? — удивленно подумал Ваня. Какого товарища нашел Гоша?»

РАКЕТОПЛАН ТЕРПИТ АВАРИЮ

Что же произошло с Гошей? Еще вчера он шагал по улице рядом с братом, размышляя, можно ли сосчитать листья на деревьях, травинки в поле и капли в море.

В ту самую минуту, когда из подъезда выбежала шумная толпа студентов, Гоша, казалось, был близок к решению этой проблемы. И кто знает, если бы ему не помешали, он, возможно, обогатил бы математическую науку выдающимся открытием. Часто бывает так: случай помогает сделать открытие, но случай часто и мешает открытию. Так случилось и с Гошей.

Какой-то веселый лохматый парень, удивившись меланхолическому выражению Гошиной физиономии, вдруг расхохотался и, подхватив его под руку, воскликнул:

— Что, дружище, задумался? Никак двойку получил? Ну, нечего грустить! Хочешь, поедem с нами?

Так Гоша очутился на ракетодроме, а через полчаса разгуливал по улицам города Трех солнц. О старшем брате он так и не вспомнил. Мысли его были заняты другим: математическими вычислениями.

Все, что он видел в этом удивительном городе, интересовало его с точки зрения математики. Он высчитывал, сколько электрических лампочек может загореться от одной гелиоэлектростанции. Много ли солнечного тепла достается городу и его окрестностям. Прикидывал, нельзя ли подсчитать

количество лучей, приходящихся на каждого жителя.

Когда студенты усаживались в солнцезуб, чтобы ехать с экскурсии домой, Гоша обратился за консультацией к одному из юношей, но тот ответил:

— Ну, брат, поезжай-ка лучше за этой статистикой в Волноград. Там на вычислительной станции как раз этими вопросами занимаются. Ученые тебе объяснят, как, что и почему.

— Спасибо, — поблагодарил за совет Гоша.

Прежде чем расстаться с веселыми студентами, он вспомнил о старшем брате и решил его разыскать. Сделать это было проще простого. Гоша включил видеофон и сразу же увидел обеспокоенное лицо брата. Но едва лишь Гоша произнес: «Вань, я вижу тебя. Город Трех солнц...», как солнцезуб тронулся и Гоше пришлось выскочить на ходу.

— Эй, дружище! — закричал ему вдогонку студент. — Видеофон забыл!

Но Гоша, углубившийся в свои мысли, был далеко.

Навстречу ему с книжками под мышкой вприпрыжку бежал по тротуару черноволосый китайчонок.

— Послушай, друг, как мне попасть в Волноград? — остановил его Гоша.

— А зачем тебе? — лукаво поблескивая черными, как маслины, глазами, спросил тот.

— Надо. Дело есть.

— Тебе надо?

— Вот чудак! Не мне, а для науки... Для человечества надо. Понимаешь? Тебя как зовут?

— Ва Син-лин, — сказал китайчонок.

— Значит, Вася, — переделал по-своему Гоша. — Слушай, Вася, что я тебе скажу...

И он высыпал на голову Ва Син-лина столько цифр и чисел, что тот от удивления открыл рот.

— Теперь понятно? — спросил Гоша.

— Понятно, — с уважением произнес Вася. — Я знаю, где Волноград. Хочешь, покажу?

— Покажи.

— А ты возьмешь меня с собой?

Гоша милостиво кивнул головой.

На солнцезубе они отправились в город, расположенный на берегу Атлантического океана.

В Волнограде, как вы уже знаете, Гошу постигла неудача. На вычислительной станции рабочий день закончился, а ждать до утра не хотелось.

— Знаешь что, — предложил Вася, — давай путешествовать.

— Давай, — кивнул Гоша. — Только куда?

— В Африку или в Австралию.

— Далеко это, — замаялся Гоша.

— И совсем недалеко. За час долететь можно.

— Тогда поехали, — согласился Гоша.

— Лучше в Африку. Там джунгли. А я люблю все таинственное. Постой, вот только давай посмотрим по карте, где эта самая Африка.

Гоша неуверенно стал шарить пальцем по карте. В географии, впрочем так же, как и в других предметах, он был не очень силен. С географией, как он говорил, у него было «шапочное знакомство». Поэтому его указательный палец, прежде чем коснуться Африканского материка, побывал в Антарктиде и в Южной Америке. Затем он задержался на Чукотке, покрутился где-то вокруг Южного берега Крыма и, наконец, неуверенно повис в воздухе. «Жаль, — подумал Гоша, — что у профессора не было географических таблеток».

На помощь Гоше поспешил Вася.

— Вот она, Африка, — уверенно сказал он, ткнув Гошиным пальцем в карту. — А вот так мы полетим... Сейчас я побегу на ракетодром, попрошу машину.

— А дадут?

— Дадут, — убежденно сказал Вася. — У меня есть удостоверение на право самостоятельных полетов.

Через полчаса ракетоплан с юными путешест-

венниками на борту поднялся в воздух и лег курсом на юго-восток.

Вася сидел у пульта управления и что-то тихонько напевал на своем языке. Гоша мечтал. Он представлял себе, как придет в школу и на уроке арифметики удивит весь класс своими знаниями. Только вот как это лучше сделать? Может быть, сначала притвориться, что он ничего не знает, а когда учитель возьмется за синий карандаш, чтобы поставить в журнале жирную двойку, он скромно скажет:

«Позвольте мне сегодня решить все задачки».

«Как все задачи?!» — удивится учитель.

«А так, все до одной, какие только есть в задачнике. А заодно я решу и примеры».

Вот будет потеха! Не успеет класс опомниться, как он решит все задачи.

Тогда учитель скажет:

«Извините меня, Гоша, я оказался не прав. Я и не знал, что вы такой великий математик. Вам следует занять мое место. А я буду счастлив, если вы мне разрешите быть вашим учеником».

Гоша даже заерзал в кресле, так ему вдруг захотелось очутиться в классе и пережить то, о чем он только что мечтал. «Эх, поскорей бы домой! — подумал он. — Черт с ней, с этой Африкой. Когда тебя ждет слава, тут уж не до Африки». Едва лишь Гоша хотел сказать Васе, чтобы тот поворачивал обратно, как ракетоплан вдруг качнулся и земля стремительно приблизилась.

По испуганному лицу Васи Гоша догадался, что произошло что-то непредвиденное. Тот поспешно нажимал то одну, то другую кнопку, но машина продолжала снижаться. Только в последнюю минуту удалось ее выровнять и посадить на землю. От сильного толчка Гоша ударился лбом обо что-то твердое и потерял сознание.

Очнувшись, Гоша увидел склонившегося над ним Васю. Его смуглое лицо, черные бусинки глаз выражали тревогу.

— Больно? — спросил он.

— Пройдет, — морщась от боли, сказал Гоша и вдруг нахмурился. — Скорее спроси меня.

— О чем? — удивился Вася.

— Таблицу умножения.

— Это можно. Сколько будет дважды два?

— Ура! Знаю, знаю! — обрадовался Гоша. — Четыре! А ну-ка, еще что-нибудь!

— Семью семь?

— Постой... семью семь... семью семь... Кажется, пятьдесят три.

Вася отрицательно покачал головой.

— Ну, тогда сорок один. Тоже нет? — упавшим голосом произнес Гоша. — Кажется, из головы у меня вышибло всю арифметику.

— Значит, она плохо держалась.

— Дело не в этом, — с сожалением сказал Гоша. — Надо было мне побольше таблеток проглотить. Ну ничего, в другой раз буду умнее.

...О пустыне приятно читать в книгах, особенно когда сидишь в уютной комнате, забравшись с ногами на диван, а за окном шумит в листьях деревьев и барабанит по крыше дождь. Тогда и сама пустыня выглядит не такой страшной. Ты как бы слышишь звон колокольчиков, привязанных к шеям верблюдов, и этот звон кажется музыкой. И ты знаешь, что все приключения, выпавшие на долю героев, которых ты успел полюбить, кончатся благополучно.

Но если тебе только одиннадцать лет и если тебе доведется самому очутиться в центре Сахары со спутником, который младше и слабее тебя, а на двоих у вас всего лишь глоток воды в алюминиевой фляжке и шоколадка в кармане, то, скажу откровенно, тебе нельзя позавидовать.

Вероятно, и ты, читатель, посочувствовал бы Гоше и его другу, когда увидел бы их в пустыне маленькими затерянными песчинками в океане песка.

Вот уж несколько часов, как, выбиваясь из сил, они бредут по раскаленному песку в надежде встретить оазис. А где оазис — там жизнь. Ох как

пожалел Гоша об утерянном видеофоне. Как бы он сейчас пригодился!

— Вась, как ты думаешь, здесь есть змеи? — спрашивает Гоша.

— Не знаю.

— А скорпионы? — помолчав, снова спрашивал Гоша.

— Скорпионы должны быть.

— А вот и нет! — пробует улыбнуться Гоша. — Всех скорпионов и пауков на земле поубивали. Это я точно знаю.

Горячий песок через подошвы ботинок жег ноги, во рту пересохло, раскаленный воздух обжигал легкие. На сотни километров вокруг не было ни кустика, ни деревца. Каждый шаг приходилось делать с величайшим трудом. Но останавливаться нельзя. Надо идти вперед, пока хватит сил. А не хватит сил — ползи! Иначе тебя ждет мучительная смерть. И знойный ветер пустыни высушит твоё тело и песком занесет твои кости.

Гоша уже не раз притрагивался к фляжке, висевшей у него на боку. Ах, как хотелось приложить фляжку ко рту и хотя бы смочить потрескавшиеся губы. Жажда мучила сильнее голода. Но Гоша стойко переносил и жажду и голод. Воду и шоколадку, оставшуюся у него в кармане, он решил приберечь для Васи.

Они взобрались на гребень высокого бархана.

— Смотри, озеро! — обрадованно воскликнул Гоша, указывая вдаль.

— Я ничего не вижу, — приставив ладонь к глазам, сказал Вася. — Кругом песок.

— Ну как же ты не видишь?! Смотри, как блестит на солнце вода. А на берегу город!.. Красивый белый город! Дворцы, башни, деревья. Скорее бежим туда.

Но едва лишь они спустились с бархана, как озеро и город растаяли в знойной дымке.

— Мираж! — в отчаянии промолвил Гоша.

Вася опустился на песок. Глаза его закрылись, лицо стало бледно-желтым.

— Проснись! — тормошил его за плечи Гоша.

Но Вася не отвечал.

Гоша перочинным ножом раздвинул плотно сжатые зубы Васи и вылил ему в рот остаток воды из фляги.

Вася открыл глаза.

— Ты иди, — тихо промолвил он. — Иди один. Я все равно не дойду.

— Оставить тебя одного?! За кого ты меня принимаешь? — рассердился Гоша. — Что я — эгоист несчастный, что ли? Съешь шоколад, и тебе сразу станет лучше.

Он вынул из кармана замусоленную, наполовину растаявшую шоколадку и заставил Васю съесть ее.

— А теперь вставай. Обопрись на меня. Вот так. Идем!..

И они снова двинулись в путь...

УКРОЩЕНИЕ БУРИ

— **С**мотри, какое странное небо. Желтое, как... лимон, — сказал Гоша, останавливаясь.

— А солнце... похоже на луну, — прошептал Вася. — На него совсем не больно смотреть.

— И облачко на небе. Хорошо бы дождь!

Облачко между тем быстро увеличивалось. Темная туча вскоре охватила половину небосвода. Казалось, вот-вот хлынет освежающий ливень. Но вместо дождя с воем и свистом налетел жгучий порывистый ветер, в воздухе закружилась пыль. Солнце, словно затянутое темной материей, красноватым диском тускло светило сквозь пыльную завесу.

С трудом передвигая ноги, мальчики шли навстречу ветру. Песок забивался в нос, в уши, слепил глаза. Все труднее становилось дышать.

— Что это? — испуганно воскликнул Гоша, указывая вдаль.

Прямо на них двигался огромный мохнатый столб. Вершина его уходила в небо, словно подпирая тучу. Вращаясь по спирали, столб метался из стороны в сторону, раскачиваясь и извиваясь, словно гигантский удав, танцующий под музыку ветра.

— Смерч! — крикнул Гоша и, закрыв глаза, с ужасом упал на землю.

...А в это время Ваня и Бабакин стояли перед рельефной географической картой в большом светлом зале багдадского научного центра. В этом большом красивом здании, украшенном восточным орнаментом, работало много ученых. При помощи мощных аппаратов, действующих на расстоянии, они управляли движением воздушных масс, регулировали течение рек и силы морских приливов.

Молодой ученый в белоснежной чалме и просторном бурнусе, широкими складками ниспадающем с плеч, разговаривал с Бабакиным на каком-то незнакомом Веточкину языке.

— Что он говорит? — шепотом спросил Ваня, дернув Бабакина за рукав.

— Это международный язык, — сказал Бабакин. — Все народы разговаривают на этом языке друг с другом. Мы изучаем его в школе с первого класса. Уважаемый профессор Али Гуссейн говорит, что рад помочь нам в поисках Гоши.

— Скажи ему, пусть сначала ищет здесь, — наугад ткнул в карту Ваня. — Только не знаю, найдем ли. На земном шаре теперь живет шесть миллиардов человек. В такой уйме народа отыскать Гошу труднее, чем снежинку в сугробе.

— Вовсе нет! — возразил Бабакин. — Электронно-счетная машина решает за одну секунду миллион задач. А вот эта машина, — он кивнул на какой-то аппарат, — не только считает, но и видит на расстоянии. Профессор Али Гуссейн только что заложил в кассету фотографию Гоши. Сейчас он нажмет кнопку, и машина при помощи особого телевизионного устройства за секунду «увидит» сто миллионов человек. Если среди них окажется Гоша, то она сразу же узнает его по фотографии и покажет на экране.

На большом светящемся экране, установленном рядом с географической картой, вдруг проступили пологие берега, поросшие гигантским кустарником и высокой травой. Недалеко от берега высились корпуса фабрик и заводов, поодаль, в долине, расположились домики поселка.

Профессор произнес несколько фраз. Ване показалось, что он услышал знакомое название — Якутск.

— Постой! — воскликнул он. — Мы учили, что там тайга, тундра. Откуда же африканские джунгли?

Бабакин перевел. Ученый засмеялся и что-то сказал.

— Все правильно, — перевел Бабакин. — Раньше там и в самом деле была тундра. Но только ты забываешь, что климат с тех пор изменился. После того как люди растопили льды океана и уничтожили вечную мерзлоту, на севере и Дальнем Востоке изменился климат.

В это время профессор повернул рычажок.

— А это что такое? — спросил Веточкин.

— Камчатка. Город Гейзеров.

— Что за город? Никогда не слышал.

На экране проплывали какие-то огромные, сверкающие под солнцем куполообразные здания. В зеленых рощах приютились небольшие домики.

— Когда-то, — пояснил Бабакин, — здесь было холодно и пустынно. Это место в давние времена, еще до советской власти, называли краем земли. Потом — это было в годы семилеток — советские люди построили здесь новые города, заводы, стали добывать полезные ископаемые.

— Откуда же здесь пальмы? — перебил Ваня.

— Люди утеплили Камчатку, используя природное тепло земли.

— Вулканы? — догадался Ваня.

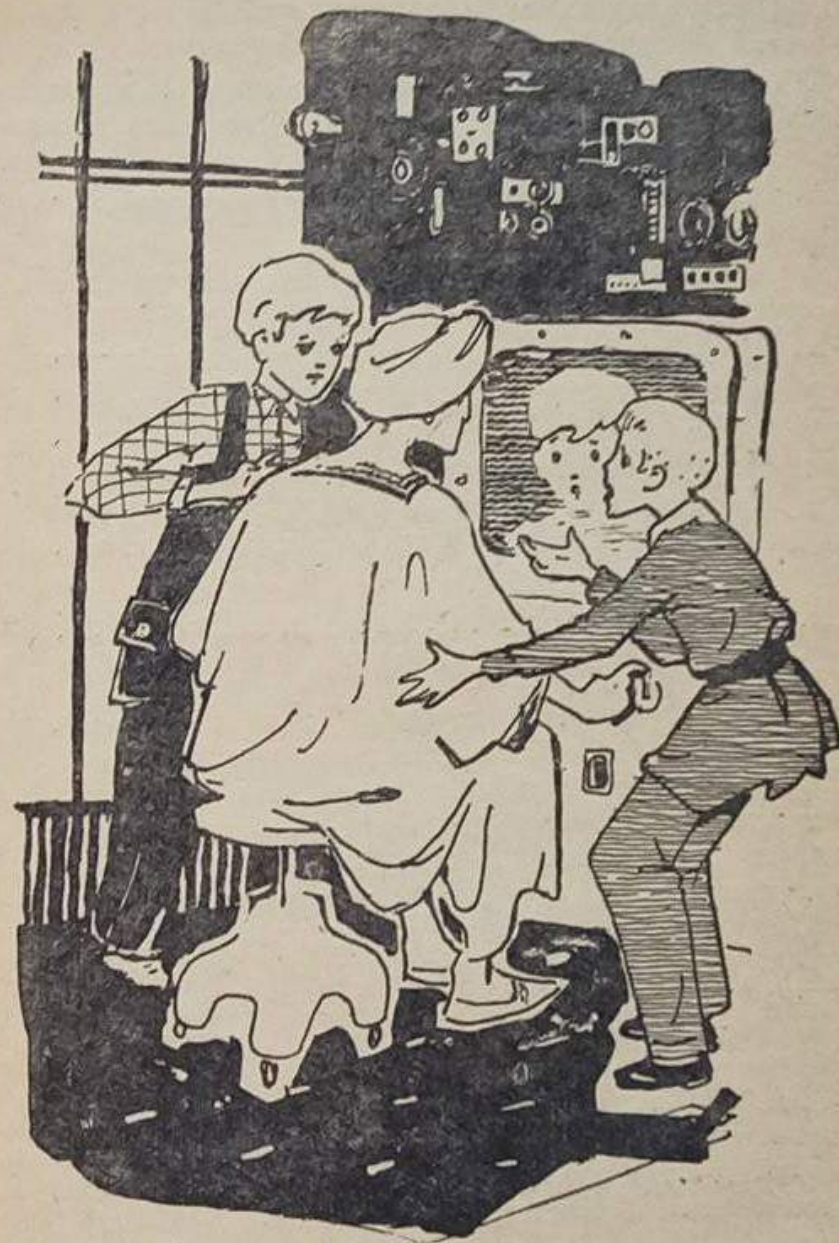
— Вулканы и гейзеры. В кратерах вулканов установлены автоматические электростанции. Тепло земных недр машины превращают в электричество, а электричество можно использовать где угодно. Кроме того, под землей проложили трубы. По трубам пустили горячую воду гейзеров. Теперь здесь никогда не бывает зимы. Круглый год можно ходить в майках. Даже бананы созревают. В городе Гейзеров открыты санатории. Там теперь лучше, чем в Сочи.

Профессор снова повернул рычажок. На экране один за другим мелькали города, страны, острова и материки. Вдруг вспыхнула голубая лампочка, и Веточкин вскрикнул от неожиданности. С экрана на него смотрели расширенные от страха глаза Гоши. По щекам его текли грязные ручейки слез.

Али Гуссейн повернул регулятор. Изображение отодвинулось в глубину экрана. Рядом с Гошей Ваня увидел фигурку другого мальчика, желтолицего, с косым разрезом глаз. Затем он увидел, как на них надвигается черный мохнатый столб, похожий на какой-то диковинный цветок, устремленный вершиной в небо. Еще не поняв, что все это значит, Ваня почувствовал, что Гоше и его малень-

кому спутнику грозит смертельная опасность. Еще мгновение, и грозная непонятная сила подхватит мальчиков и умчит, словно песчинки.

Али Гуссейн издал какое-то гортанное восклица-

ние и бросился к другому аппарату, стоявшему в глубине комнаты. Послышалось негромкое жужжание и потрескивание. В воздухе запахло озоном. В ту же минуту Веточкин совершенно отчетливо увидел на экране, как вращающийся таинственный столб, только что угрожавший Гоше и его спутнику, вдруг наклонился, словно согнутый чьей-то невидимой могучей рукой, и рассыпался в воздухе.

На экране стало светлее. Мелькнула удивленная и обрадованная физиономия Гоши, затем изображение исчезло.

Али Гуссейн сказал Бабакину несколько слов и тотчас вышел.

— Куда же он? — взволнованно спросил Веточкин.

— Не беспокойся. Он распорядился приготовить ракетоплан, и мы сейчас вылетим в Сахару на помощь Гоше.

— Что это такое было? — спросил Ваня.

— Смерч. Профессор вовремя успел включить реактор мгновенного действия, и смерч рассыпался.

ГОША ЗНАКОМИТСЯ С ТАЙНОЙ НЕВИДИМЫХ ЛУЧЕЙ

Песчаная буря вдруг стихла. Гоша и Вася снова двинулись в путь. Характер местности изменился. На востоке возникла невысокая каменистая гряда, усеянная причудливыми скалами. Одни из них были похожи на фигуры людей и животных. Другие напоминали средневековые башни.

Когда мальчики подошли ближе, они вдруг почувствовали какую-то едва уловимую перемену в воздухе. Солнце, до этого ярко светившее, начало меркнуть, хотя на этот раз ни одного облачка в небе не было.

Мальчикам показалось, что где-то вдали прогремел гром. Через минуту слабый рокот повторился. На этот раз он больше походил на шум реактивного самолета. На синем пологие неба они увидели из-

вилистый след. Но это был не обычный светло-серебристый след, оставляемый в небе летящим самолетом, а черный расплывающийся, будто кто-то провел чернилами по промокашке.

Рядом с первым следом протянулся второй, затем третий, четвертый. Казалось, невидимый художник задался целью заштриховать от горизонта до горизонта все небо. Полосы таяли, сливались одна с другой, и тяжелые сумерки постепенно окутывали землю. «Откуда этот черный туман? — тревожно спрашивал себя Гоша. — И вдруг с ужасом подумал: — Я начинаю слепнуть».

— Вась, — окликнул он. — Ты что-нибудь видишь?

— Нет! Темно...

Дрожащими пальцами Гоша достал из кармана зеркальце, глянул в него и отшатнулся. Лица почти не было видно, из зеркала глядели зрачки и ослепительно сверкали зубы. Он посмотрел на руки. Ногти были голубыми. Платок, которым он вытер выступивший на лбу пот, почему-то оказался фиолетовым.

Видневшиеся недалеко каменные зубцы, редкие кустарники, сама земля светились мягкими радужными бликами. Казалось, пустыня утратила свои привычные желтые тона и засверкала фантастическими красками.

Гоша и Вася стояли ошеломленные. Вдруг их внимание привлекла ниша в отвесной известковой скале. По-видимому, много тысячелетий назад часть скалы обрушилась, а вода, солнце и ветер выточили в рыхлой породе пещеру.

Вход в пещеру светился ярче, нежели окружающие предметы. Невольно Гошу потянуло взглянуть, что там внутри. Ребята осторожно вошли в светящуюся пещеру. Только неоновые лампы могли излучать такой сильный свет. Но, конечно, никаких ламп в пещере не было. Светились камни. Гоше показалось, что все сокровища мира собраны здесь. В фосфорическом тумане яркими искрами

сверкали голубые топазы, неимоверной величины зеленые изумруды, вишневый гранат, бархатисто-черный турмалин. Целый мир камней, красных, синих, желтых, золотистых, переливался, играл разными красками.

Гоша провел рукой по стене, но ощутил лишь холодную шероховатую поверхность известняка. Камни светились как бы изнутри, словно маня и не даваясь в руки.

Шагнув дальше, Гоша споткнулся обо что-то упругое, словно змея, обвившееся вокруг ног. Наклонившись, он увидел, что это кабель, обыкновенный, отлично изолированный электрический кабель. Откуда он здесь? Значит, в пещере были люди? Может быть, они и сейчас еще здесь? Гоша хотел закричать, но что-то удержало его. Конец кабеля скрывался за поворотом. Мальчики прошли десяток шагов и остановились. То, что они увидели, было настолько необычно, что Гоша невольно отшатнулся.

Перед ними была огромная, похожая на сводчатый зал ниша. По правую сторону, у самой стены, стоял странного вида аппарат. Шарообразная, похожая на батисферу камера с круглыми, словно глазницы, иллюминаторами слегка светилась. Ребята не могли понять, этот ли аппарат излучал таинственный свет, озарявший пещеру, или же светились сами каменные своды и стены.

На противоположной от аппарата стене они увидели исполинское чудовище. Широко открытая пасть крокодила, длинный чешуйчатый хвост, костяной гребень вдоль спины, лапы, похожие на плавники, — все это говорило, что перед ними один из представителей хищных животных доисторических времен. Это был не рисунок, не изображение, высеченное на камне. Чудовище было как бы заключено в толщу камня и светилось так же, как и все вокруг, синеватым, местами пурпуровым светом.

Гоше почудилось, будто земля закачалась под ним, ноги подогнулись, словно ватные, и он стремглав полетел в черную бездну, пронизанную разноцветными молниями.

...Очнулся Гоша от прикосновения чего-то холодного. Струйка воды стекала ему на лицо и за воротник. Открыв глаза, он увидел склонившуюся над ним смуглолицую девушку. Две черные косы спадали из-под тубетейки. Девушка держала у его губ флажку и на непонятном языке что-то говорила людям в белоснежных чалмах. Гоша повернул голову и чуть не вскрикнул от радости. Рядом стоял Ваня. Несколько поодаль о чем-то тихонько разговаривали китайский мальчик и Бабакин. Гоша хотел подняться, но почувствовал, что снова падает на дно черной пропасти.

Когда он пришел в себя, то увидел, что находится в большой светлой комнате. Пожилая женщина в белом халате отмеряла в стакан какие-то капли. В открытое окно заглядывал Ваня. Как только женщина вышла из комнаты, он тихонько проскользнул в палату.

— Что со мной было? — спросил Гоша. — Как ты меня отыскал?

— Спрашиваешь! Все Азию и Африку на ноги подняли. Нам и арабы помогали, и негры, и индийцы. Задал же ты нам хлопот! Еще хорошо, что на экспедицию набрали.

— А что это за экспедиция? — спросил Гоша.

— Видишь ли, арабы ищут для своих стран новые месторождения нефти. А им помогают наши ученые. Ты помнишь девушку в тюбетейке? Это Фатма. Доктор геологических наук из Узбекистана. Она пришла проводить тебя, сейчас зайдет.

Через минуту в палату вошла Фатма.

— Здравствуй, путешественник, — улыбаясь поздоровалась она. — Вот принесла тебе виноград.

— Спасибо. А можно мне задать вам вопрос?

— Спрашивай.

— Что это за самолеты летали тогда в пустыне? И почему сразу сделалось темно? И что это за пещера с огненным драконом?

— Погоди. Не все сразу, — засмеялась Фатма. — Для того чтобы ты лучше понял все это, я расскажу тебе об одной тайне. Это тайна невидимых лучей.

— Невидимых? — в свою очередь, удивился Ваня. — Что же это за лучи, если они невидимые?

— Приходилось ли тебе видеть когда-либо холодный свет? — спросила Фатма. — Ты наблюдал, как светятся в лесу гнилушки, голубыми звездочками сверкают в траве светлячки? Они светятся сами, потому что в них содержится фосфор. Но многие вещества — минералы, одеколон, керосин — также могут светиться, или, как говорят, люминесцировать. Правда, для этого на них нужно направить невидимые ультрафиолетовые лучи. У этих лучей замечательное свойство. Сами они — невидимки, но зато заставляют светиться многие другие вещества. Этим явлением, — продолжала Фатма, — заинтересовались геологи. Они помещали под стеклом специального аппарата — люминескопа разные вещества и смотрели, как они светятся

под действием невидимых лучей. И вот оказывается, что породы, в которых содержится самое ничтожное количество нефти, светятся коричневым, желтым, голубым светом. Это было замечательным открытием.

— А что оно дает? — спросил Ваня.

— Геологи подумали: «Если мы можем найти следы нефти, то можем отыскать и самую нефть даже тогда, когда она спрятана глубоко под землей. Стоит только осветить ультрафиолетовыми лучами землю, и она заговорит всеми своими красками».

— Да, но почему же над пустыней летали самолеты? — спросил Гоша. — И откуда взялся черный туман?

— Сейчас узнаешь, — улыбнулась Фатма. — В науке часто бывает так: одно открытие тянет за собой другое. Так и здесь. Наши ученые подумали, а нельзя ли вместо того, чтобы каждый камешек класть под люминескоп, сразу же осмотреть огромное пространство, прочитать землю, как раскрытую книгу. И, представь себе, это удалось сделать. Химики изобрели такое вещество, которое образует черный туман. Эта пелена задерживает видимые солнечные лучи и пропускает ультрафиолетовые, невидимые. Ты сам видел, как в темноте сияла земля пустыни. А геологи, летевшие в это время на вертолетах, наносили на карту месторождения нефти, хранящейся в недрах пустыни.

— И много нашли нефти? — любопытствовал Гоша.

— Очень много! — кивнула Фатма. — Целый подземный океан! Сюда скоро придут инженеры и начнут ее добывать.

Гоша задумался.

— Скажите, а что было там, в пещере? — спросил он. — Откуда появился дракон?

— Не дракон, а ихтиозавр, — поправила Фатма. — Вернее, точная фотография этого доисторического животного.

— Фотография?

— Отпечатки вымерших животных и растений тоже могут осветиться в невидимых лучах. Нам посчастливилось. Мы нашли в пещере остатки ихтиозавра. Хищник погиб миллионы лет назад. Его засыпал горный обвал. Тело давно истлело, но камень, впитавший остатки его тканей, сохранил изображение животного. И когда мы направили на него ультрафиолетовые лучи, то получили фотографию этого доисторического чудовища. Так мы узнаем, какие животные и растения были на земле много веков назад.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

— **Ч**то ты все пишешь? — лениво спросил Гоша, растянувшись на шелковистой траве под эвкалиптом и задумчиво глядя на серебристые облака, клубившиеся над головой. — Как тебе это не надоест?

— Надо, — ответил Ваня. — Я записываю в дневник все, что с нами случилось, и все, что мы видели.

— А зачем записывать? — удивился Гоша. — Я и так все помню.

— Ну, помнить — это мало. Ты понимаешь, что с нами произошло? То-то же! Еще никому не удалось побывать в будущем.

— И не удастся!

— Вот поэтому мы с тобой должны у людей будущего перенять все самое лучшее, для того чтобы... ну, для того чтобы скорее наступило это будущее.

— Хорошо, — сказал Гоша. — Что же мы будем делать теперь?

— Как что делать? Надо спешить домой... Там ждут нас, беспокоятся.

— Мне и здесь хорошо, — сказал Гоша. — Я не хочу уезжать из будущего. А дневник твой мы перешлем по почте. И тогда люди двадцатого века узнают все, что будет в двадцать первом.

— Нет, — покачал головой Веточкин-старший. — Во-первых, письма могут доходить только из прошлого в будущее. А из будущего писать нельзя. А во-вторых... во-вторых, я же тебе говорил, что я не хочу жить на готовеньком. Мы сами должны строить будущее. Это ведь так интересно! И мы его построим. Мы еще вернемся в третье тысячелетие. Когда вырастем... А теперь пора!

— А знаешь, — воскликнул Гоша, — сказать по правде, мне тоже хочется домой.

— А не боишься, что от отца попадет? И за двойки и за новую запонку...

— Пускай, — махнул рукой Гоша. — А двойки я исправлю. Честное пионерское! Только бы поскорее вырасти. А когда я вырасту, то стану рабочим. На фабрике будет тихо и светло, как в саду в солнечный день. И много цветов. И пусть играет музыка, такая, как в Городке искусств. Мне подчинится множество машин. Они будут делать разные вкусные вещи. Я за один день сделаю столько всего, что хватит угостить всех ребят с нашей улицы. Пусть приходят и едят сколько хотят.

— Постой, — остановил Ваня. — Как же ты будешь всех угощать, если это не твое, а государственное?

— Ну и что ж такого? Если государственное, то немножко и мое... — нашелся Гоша. — А может быть, я буду строителем. У меня будет огромный кран, похожий на жирафу. Нажму кнопку, и кран поднимет кубик. Не кубик, а комнату! А еще лучше будет у меня машинка, уничтожающая силу земного притяжения. Тогда работать будет совсем легко и быстро. Я построю много красивых домов. Добро пожаловать, новоселы! В каждой квартире будет ванная и душ. И столовая... Нет, столовая пусть будет общая, одна для всех... А для ребят построю интернат такой же, как тот, где мы жили, с бассейном для плавания и спортивными площадками. А если я стану трактористом, — продолжал мечтать Гоша, — сто самоходов-тракторов выйдут в поле. И я один буду управлять ими. При-

кажу: налево, и они повернут налево. Прикажу: прямо, и они пойдут прямо. А когда вырастет урожай, я соберу столько хлеба, что хватит накормить целый мир. И в Африку, к чернокожим людям, и в Азию, к желтолицым людям, и в другие далекие страны поплывут корабли с хлебом. А из Африки они привезут апельсины и бананы. Ешь сколько твоей душе угодно! А может быть, я стану доктором...

— Вряд ли, — засмеялся Ваня, — пока ты вырастешь, никаких болезней не останется и докторам нечего будет делать. И лекарства не нужны будут.

— Ну и что такого, — беззаботно согласился Гоша. — Очень хорошо! Тогда никто не заставит меня пить противную касторку. Ну, а если все-таки не успеют победить все болезни, тогда я обязательно стану доктором. Я буду лечить маленьких и больших. У кого плохое сердце, я поставлю новое сердце. Это будет веселое, молодое и доброе сердце. Оно будет работать хоть сто лет... без передышки.

— Кем же ты в конце концов будешь? — перебил Ваня. — Рабочим, строителем, трактористом или врачом?

— Я еще не знаю, кем я буду. Но ты же сам говорил: для человека главное не кем он будет, а каким он будет. Я буду смелым, добрым и веселым. Я никогда не буду врать и задаваться. Я буду таким, как люди третьего тысячелетия.

— Ну, тогда другое дело, — согласился Ваня. — Только и во втором тысячелетии много таких людей, с которых стоит брать пример. А теперь домой!

Веточкин-старший спрятал в карман блокнот и, поднявшись, торжественно произнес:

— Ал лал, робин рой, унеси меня домой!

— А я? — испуганно закричал Гоша и крепко уцепился за гимнастерку брата. — Ты что же, хочешь меня оставить?

— Не мешай, — сказал Ваня и громко продол-

жал: — И меня и Гошу. Я его не брошу.

Над землей пронесся легкий ветерок, листья эвкалиптов зашелестели, вдали зазвучала легкая, навевающая сон мелодия. Сами собой закрылись веки... Потом все исчезло.

— Вставай, Ванюша. Вот разоспался. Ребята уже давно в школу идут.

Веточкин-старший с трудом открыл глаза. Над ним стояла мама и тормозила его. Рядом зашнуровывал ботинки Гоша. Лицо его было заспанно, волосы всклокочены.

— Скажи-ка, — тихонько окликнул его Ваня, дождавшись, когда мать вышла в кухню. — Тебе ничего не приснилось?

— А что? — дипломатично спросил Гоша.

— Нет, я так...

— А тебе? — помолчав, задал вопрос Гоша.

— Приснилось... Будто мы путешествовали в будущее.

— Да ну! Значит, это правда? Я так и подумал, разве один и тот же сон может сразу двоим присниться?

...Ваня и Гоша Веточкины рассказали мне о том, что произошло с ними во время их удивительного путешествия. Я подумал, что, может быть, об этом интересно будет узнать и вам, ребята. Вот я и передал все, что узнал. А дело ваше — хотите верить, хотите нет.

СОДЕРЖАНИЕ

Веточкины спорят о будущем	3
В судьбу Веточкиных вмешивается волшебник	7
Необыкновенное пробуждение	10
Путешествие по карте	14
О том, как Гоша переводил с английского	21
Музыкальные растения	25
Мальчик из прошлого	28
Десять тысяч километров в час	31
Веточкины делают зарядку	36
Кто такой Буп?	38
Удивительный музей	40
В кондитерском магазине	48
О том, как Ваня и Гоша сажали деревья	52
Веточкины в городке искусств	58
О том, как Ваня стал рекордсменом	63
Гоша помогает строить дом	69
Как Гоша стал великаном	71
У Гоши открывается талант	79
В городе Трех солнц	88
Поиски продолжаются	92
Ракетоплан терпит аварию	99
Укрощение бури	106
Гоша знакомится с тайной невидимых лучей	110
Возвращение	116

Светов Александр Абрамович

ВЕТОЧКИНЫ ПУТЕШЕСТВУЮТ В БУДУЩЕЕ. Фантастическая повесть.
Для детей среднего школьного возраста. М., „Молодая гвардия“, 1963.
120 стр., с илл.

Р 2
С 24

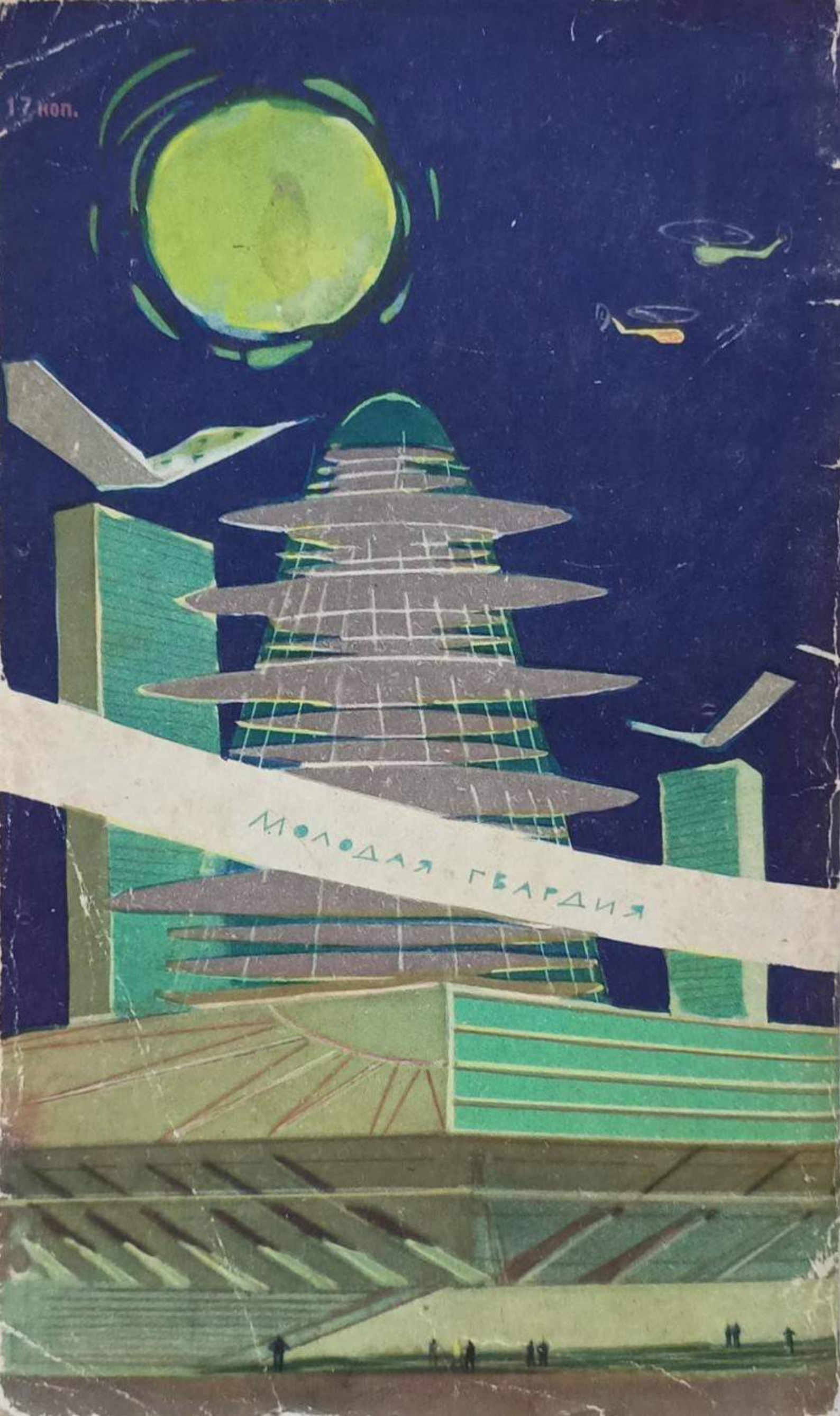
Редактор Л. Хотилова
Худож. редактор В. Плешко
Техн. редактор А. Бурова

А09497 Подп. к печ. 29/XII 1962 г.
Бум. 84×108¹/₃₂ Печ. л. 3,75 (6,15).
Уч.-изд. л. 5,7 Тираж 115 000 экз.
Заказ 2457. Цена 17 коп.

Типография „Красное знамя“, изд-ва „Молодая гвардия“.
Москва, А-30, Суздальская, 21.

17 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ